Вячеслав Денисов

Важняк

Дело государственной важности

Вячеслав Юрьевич Денисов

Дело государственной важности

Серия «Важняк»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=245342
Вячеслав Денисов Дело государственной важности: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-12190-0

Аннотация

Губернатора северной «рыбной» области зарезали прямо в номере московской гостиницы. Дело поручили самому ушлому следователю – важняку Генпрокуратуры Ивану Кряжину. Начав расследование убийства, он обратил внимание на то, что гостиница принадлежит чеченам. Уж не чеченская ли мафия приложила к этому руки? Тем более что областная столица, где губернаторствовал убитый, тоже вся под чеченами. Ими куплено практически все: милиция, суды, прокуратура. Значит, придется Кряжину и убийство губернатора расследовать, и пришлую банду изгонять. Настало время возвращать область России…

Содержание

Пролог	4
Глава первая	31
Глава вторая	55
Глава третья	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Вячеслав Денисов
Дело государственной важности

Пролог

Коридорный хорошо помнил – ночью горничная Майя доложила ему, что господин из триста семнадцатого номера еще с вечера просил зайти к нему, разбудить и принести чашку кофе со стаканом апельсинового сока и двумя поджаренными тостами. Коридорный еще подумал тогда: «Насмотрелись фильмов. Какой русский, будь он трижды состоятелен, будет утром пить отдающий кислинкой сок и хрустеть крошечными ломтиками хлеба?» Майя не успевала с уборкой, тем не менее желание клиента в этой гостинице, как и в остальных других, – закон. А потому Майя попросила Колмацкого заменить ее с доставкой. Сумела найти для этого нужный момент – ночью, когда, учитывая общую обстановку, его отказ выглядел бы откровенным свинством. И он, конечно, согласился.

Но сок с тостами… Коридорный еще раз поморщился. Посмотрел на часы, убедился, что в его распоряжении еще целых семь минут, и вызвал лифт.

Сок с тостами… Зажрались. Хотя лишний доллар или купюра в пятьдесят рублей не помешает. Лучше, конечно, пятьдесят рублей. Это больше, чем доллар.

Это почти один доллар и семьдесят центов – думал он, слушая, как гудят за стенкой кабины тросы. Один доллар и семьдесят центов в руку, конечно, никто не даст. Так что лучше уж пятидесятирублевкой.

Если бы в подъезде его дома был такой лифт, он превратился бы в кабинку туалета общего пользования в считаные дни. Люди в стране живут такие, что по утрам запивают хрустящие тосты апельсиновым соком, морщась и скрипя пораженными кариесом зубами, а в обед сливают продукт переработки этого чуждого для русского организма завтрака на пол лифта. А вечером, заходя в номер, проводят пальцем по блестящей полировке мебели и очень сердятся, когда обнаруживают пыль. Серчают, что унитаз не сверкает, хотя уже спустя час, стоя над ним, попадают в него лишь с третьего раза. Стряхивают на стену и, не помыв руки, идут в спальню, чтобы переодеться к коктейлю.

Коридорный любил не всех господ. Некоторые даже не умеют толком подать чаевые. Либо развернут купюру, как в булочной, и протянут, либо, наоборот, воровато оглянувшись – то ли от жены, то ли от ментов, – свернут бумажку так, словно собираются засунуть ее под язык или еще куда, и втолкнут в руку. Не успеешь подхватить – на пол упадет.

Нормальный, уважающий себя господин всегда возьмет

купюру, переломит ее пополам и протянет. Для нормального человека дать коридорному на чай – это не проявление роскоши и не способ «блеснуть чешуей» перед спутницей, а такое же нормальное дело, как после туалета помыть руки.

Дзынь… Лифт постоял, раздумывая, стоит ли выпускать его с разносом, решил – стоит, и бесшумно раздвинул створки.

311… 313… 315…

Он постучал и прислушался к тишине. Как же постоялец зарабатывает на свой тысячедолларовый костюм, если в половине девятого утра, в пятницу, спит, как пожарный? Люди, которые хотят иметь в кармане деньги, встают в пять утра. Бреются, умываются, чистят курточку, надевают плоскую шапочку без козырька и идут на заработки. А этот спит.

Он еще раз постучал и произнес: «Обслуживание в номерах!»

Делать нечего, не возвращаться же с разносом на кухню. Коридорный – парень грамотный, работает не первый год, а потому знает, что, уйди он, дабы не вторгаться в чужое отдохновение, уже через десять минут администратору поступит звонок. Постоялец начнет орать, что он вчера делал в номер заказ, а до сих пор никого нет. Пригрозит, что в следующий раз он остановится не в «Потсдаме», а в какой-нибудь профсоюзной гостинице.

Вынув из кармашка на груди врученный Майей ключ, коридорный вставил его в замок и повернул. Обычно в таких

случаях поднос следует оставить на столике, не проходя в спальню, и уйти. Но он шел сюда не для того, чтобы только принести пожрать толстяку в тысячедолларовом костюме. Коридорный исполнил заказ и теперь хочет получить за это.

А потому дверь он захлопнул громче, чем требовалось, и кашлянул.

– Обслуживание в номерах, – сказал еще раз и пнул приоткрытую дверь ванной.

Дверь стукнулась о косяк, отскочила назад и снова встала в исходное положение.

Что же это такое получается? Он что, курьер по доставке пиццы? Но и тем полагается десятка за скорость. А коридорный «Потсдама» так и уйдет ни с чем? Хоть выгребай из этого пиджака, что в открытом шкафу, мелочь и удаляйся.

– Кофе остывает, – сказал коридорный.

Да что же это такое, в самом-то деле?! Это просто свинство. Туфли у порога, пиджак в шкафу, и не нужно пытаться убеждать его, коридорного, что этот толстяк нынче ночью, заказав предварительно английский завтрак, свалил из «Потсдама» в одних брюках и носках.

Отбросив в сторону условности, оговоренные в функциональных обязанностях коридорного, он подкинул на руках поднос и вошел в комнату. И остановился в сомнении, стоит ли идти дальше.

Рубашка толстяка, словно подстреленная на лету птица, валялась в углу спальни, распластав рукава-крылья. Галстук

повис на спинке стула. Кейс в распахнутом виде покоился на полу, левый носок лежал под тяжелой портьерой.

Правый носок был на ноге толстяка. И из одежды это было все, чем тот мог прикрыть свою наготу. Нельзя сказать, что вся спальня была залита кровью, боже упаси. Она не была ею даже забрызгана. Работал эстет. Перерезав жертве горло, он накрыл ее одеялом и откинул его лишь тогда, когда конвульсии прекратились.

Взгляд коридорного сейчас напоминал фокус старого фотоаппарата. Он четко видел лишь один предмет, а все остальное вокруг было мутным, словно лишенным резкости. И предметом этим была массивная золотая цепь на шее толстяка, завалившаяся в глубокую резаную рану. Коридорный видел в этом «Потсдаме» всякое, но такое яркое ощущение невероятности, как при виде этой цепи, он не испытывал ни разу. Стреляли, было дело, резали – не в диковинку, проституток били и душили – не впервой, но чтобы вот так, заказав с вечера тосты и сок, и наутро с цепью в горле…

Коридорный сглотнул сухой комок и подошел к телефону. Поднял трубку и понял, что не может набрать номер. В полуметре от него покоилась голова с двумя мутными глазами и перепачканный засохшей кровью рот. Куда поставить поднос, будь он трижды проклят?

Освободив руки, коридорный потряс ими над телефоном с логотипом гостиницы и снял трубку.

– Администратор, – произнесла трубка.

– Павел Маркович, – коридорный облизнул губы, – я в триста семнадцатом, – повертел головой и стер со лба невесть откуда взявшуюся испарину, – стою.

– Колмацкий, ты, что ли? А зачем ты там стоишь?

– Тут клиент. Он мертвый.

Администратор струхнул – Колмацкий почувствовал это. Он велел оставаться на месте, отдал распоряжение «не топтать» и ждать. Коридорный уселся на тумбочку и, изредка стреляя взглядом в сторону жуткого профиля, поднял с подноса блестящую крышку. Сначала выпил кофе. А потом, уже не отдавая отчета в своих действиях и не сводя глаз с лица трупа, стал хрустеть тостами и прихлебывать из высокого стакана сок. Колмацкий ел, дико вращал красными белками и чуть сожалел о том, что толстяк не заказал на утро стакан водки и порезанный огурец.

Администратор пришел с начальником службы безопасности, двумя ее сотрудниками и двумя горничными. Зачем здесь горничные, Колмацкий не понял, но присутствие в номере сотрудников СБ оправдал сразу. Те поставили его лицом к стене, зачем-то обыскали, надели наручники, после чего уложили на пол лицом вниз. Над его головой раздавались телефонные переговоры с милицией, всхлипы горничных и кряхтение администратора, и из последнего Колмацкий понял, что толстяк обещал ему что-то, но слово не сдержал.

До приезда МУРа ничего существенного не произошло. Лишь Колмацкого подволокли ближе к стене, вывели одну из

горничных, да с тумбочки рухнул поднос. Сразу после этого вывели вторую горничную.

Приехала милиция, перед глазами Колмацкого замелькали ноги, и разнотонные голоса над ним, кажущиеся голосами с небес, стали задавать вопросы, которые часто слышатся при просмотре полицейских боевиков.

«Кто последний видел ЕГО живым», «когда ОН въехал», «кто с НИМ был», «что с НИМ было» и «кто ЕГО обнаружил». Как только дело дошло до ответа на последний вопрос, Колмацкого взяли за руки и поставили на ноги. Павел Маркович тут же указал на него пальцем и сказал: «Это он». И после этого у Колмацкого даже тени сомнений не осталось, что у него, коридорного, дежа-вю и он ходит по «Потсдаму» и режет клиентов.

Его усадили на стул, поменяли наручники СБ на наручники МУРа, и высокий крепкий муровец с острым и цепким взглядом попросил прибывшего с ним коллегу известить прокуратуру Южного административного округа. Тот уже принялся нажимать на трубке кнопки, но первый, что с цепким взглядом, его вдруг остановил. Причиной тому стал какой-то документ, который появился из кармана пиджака зарезанного клиента и оказался в его руках. Старший его внимательно изучил, уложил на место и внимательно посмотрел на коридорного. На администратора. На двоих из СБ. Потом подошел к трупу и посмотрел в его страшное лицо. И вынул свой телефон.

У них, наверное, так заведено, подумал коридорный Колмацкий, окружную прокуратуру вызывать по трубкам подчиненных, а Генеральную – по телефону начальника. А потом обрадовался, когда муровец велел своему коллеге снять с коридорного наручники. Мол, что дурью маяться, коль, судя по крови и цвету трупа, убийство совершено часов восемь назад, а коридорный Колмацкий прибыл на службу в семь утра. Если бы ему не нужно было доллара, он вообще попросил бы горничную, чтобы та отвязалась. Но предполагался доллар – раз, и она частенько сама выручала Колмацкого – два. Частенько уносила поднос вместо него, а потом около получаса не возвращалась. Среди рядового персонала «Потсдама» бытует мнение, что она, скорее всего, завтракает вместе с клиентами, а это, между прочим, в «Потсдаме» возбраняется. Майя из числа тех, кто с думскими решениями не согласен, и уверена в том, что никакая денежная компенсация не в силах заменить натуральные льготы.

Из Генеральной прокуратуры прибыл здоровый мужик лет сорока – сорока двух, атлетического телосложения, приятно пахнущий свежим одеколоном, к которому все присутствующие из числа муровских работников сразу стали обращаться «Иван Дмитриевич» и объяснять ситуацию.

Кряжин – так представился следователь – в первые две минуты по прибытии успел сделать три вещи: уточнил, кто из числа персонала есть кто, удалил прочь всех, кого привел администратор Яресько, и велел снять наручники с Колмац-

кого.

Когда в номере остались муровцы, прокурор-криминалист, судебный медик, администратор и коридорный, Кряжин сделал еще три вещи. Поблагодарил администратора за то, что тот, дабы облегчить жизнь криминалисту, не ввел в этот номер весь штат «Потсдама», а только пять человек, которые «истоптали площадь помещения, как слоны», поинтересовался у медика о времени наступления смерти потерпевшего и закурил.

Колмацкий сидел на стуле и наблюдал, как медик работает с трупом. В прошлом году его двоюродная сестра принесла первенца, и она точно так же вертела малыша, надевая на него ползунки и пеленки, как сейчас медик вертел огромное тело, лежащее на кровати. На бочок… Посмотрел спинку… На другой бочок… Опять посмотрел. На животик…

Когда из уст и резаной раны на шее трупа раздался свист, похожий на усталый выдох, Яресько побледнел, а коридорный обеими руками схватился за сиденье стула. Казалось – еще мгновение, мертвец встанет и, придерживая голову, чтобы она, полуотрезанная, не запрокинулась назад, прошипит: «Какого черта?»

– Спокойно, – равнодушно предупредил медик. – Это выходят скопившиеся в легких газы.

– Вы можете что-нибудь сказать о причинах смерти? – вдруг спросил Яресько, чем мгновенно приковал к себе внимание всех присутствующих.

Нет! – он, наверное, интересовался не этим! Администратор в силу своих должностных полномочий хотел знать, как такое могло случиться. Как это мог человек, не замеченный ранее в дурных компаниях и вряд ли пивший с уличными отморозками, наутро оказаться в постели с перерезанным горлом. Яресько радеет за авторитет гостиницы и должен знать, как такое могло произойти, дабы исключить повторение этого страшного урока. Но Яресько впервые участвовал при подобных событиях, зато смотрел фильмы. А потому ничего более неуместного в этот момент он выдавить из себя не смог.

Медик, даже не посмотрев в сторону управляющего, ответил сухо и, как показалось Колмацкому, даже с неприязнью:

– Его отравили, судя по цвету трупных пятен. Сейчас девять часов утра, – добавил он, глядя на запястье своей руки. Его окровавленные, скользкие и липкие на вид пальцы, обтянутые резиной медицинской перчатки, неприятно блестели. – Он мертв около восьми-девяти часов. Получается, смерть наступила в период с полуночи до часу ночи. Более точно смогу дать ответ после вскрытия… А цепь хорошая. Такое плетение впервые в жизни вижу. И никому не нужна оказалась.

Колмацкий сидел, крутил головой. Администратор то и дело напоминал следователю, что труп обнаружен коридорным.

Следователь сначала не обращал на это внимания, потом

стал жевать губами, а потом, когда, по-видимому, его это достало, спросил:

– В котором часу вы прибыли на работу?

– Я? – растерялся Яресько. – Я, простите, и не уходил. Я в гостинице со вчерашнего вечера. Меня просто никто не видел. Я лег спать в одиннадцать.

– Присмотрите за ним, – велел старшему из муровцев Кряжин, и коридорный отметил, что после этого Яресько оказать помощь следствию уже не пытался.

Между тем время шло, следователь за два часа исписал десятка полтора листов каких-то протоколов, опросил с десяток лиц, хорошо знакомых Колмацкому, и где-то перед обедом, по гостиничному расписанию, Иван Дмитриевич – так звали следователя – добрался и до Яресько с коридорным. Но начал с администратора, чтобы закончить Колмацким. Настойчивость Яресько, по всей видимости, свои плоды все-таки принесла.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ЯРЕСЬКО ПАВЛА МАРКОВИЧА, 24.09.04 Г.:

«…Гостиница «Потсдам»…

Допрос начат: 12 ч. 45 мин.

Допрос окончен: 13 ч.25 мин.

Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ советник юстиции Кряжин И.Д. в помещении номера 317 в соответствии со ст. 189 и 190 (191) УПК РФ допросил по уголовному делу №… в качестве свидетеля Яресько

Павла Марковича, 10.07.54 г.р.

…Перед началом допроса мне разъяснены права и обязанности свидетеля, предусмотренные ч. 4 ст. 56 УПК РФ…

Я уведомлен о том, что допрос будет производиться с применением звукозаписывающей аппаратуры…

Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ предупрежден. (Подпись.)

По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее. Я являюсь администратором гостиницы «Потсдам» на Шаболовке с ноября 1999 года.

Вечером 23 сентября 2004 г., точное время указано в книге регистрации гостей – 20.30 ч, в «Потсдам» прибыл гражданин в сопровождении одного мужчины. Он снял 317 номер, что расположен на третьем этаже, сказал сопровождавшему ему мужчине: «Я завтра приеду сам за полчаса до начала встречи» – и поднялся наверх. Снявшего 317 номер гражданина я больше не видел до тех пор, пока коридорный Колмацкий Ф.О. не сообщил мне в 8.30 ч. 24.09.04 г., т. е. на следующее утро, что тот мертв. После этого я немедленно вызвал начальника службы безопасности и вместе с ним поднялся в номер. Там я увидел, что на кровати в крови лежит вчерашний гость, а на тумбочке рядом с ним сидит Колмацкий. В тот момент, когда мы вошли, он ел принесенные гостю тосты и запивал их соком.

Я отдал начальнику СБ распоряжение Колмацкого

задержать и вызвал по телефону милицию. Более ничего пояснить не могу.

Вопрос: Вы знали ранее гражданина, который 24 сентября был обнаружен вами мертвым в номере?

Ответ: Никогда.

Вопрос: Вам известно его социальное положение?

Ответ: Нет. Конечно, нет.

Вопрос: Когда коридорный Колмацкий прибыл на работу?

Ответ: 24 сентября 2004 года в семь часов утра. В дополнение хочу сообщить, что коридорный Колмацкий давно вызывал у меня подозрения как человек необщительный, склонный к интриге. Я подозреваю, что он даже берет взятки в виде чаевых от клиентов.

Вопрос: А вы когда прибыли?

Ответ: Как и положено, в семь часов ровно…»

Колмацкий, когда сотрудник МУРа ввел его в номер с уже пустой кроватью, выглядел растерянным. За то время, что он провел в соседнем пустующем номере, он успел обдумать свое положение и резонно предположить, что после слов медика в убийстве его обвинят вряд ли, но вот в соучастии или, чего доброго, в подготовке преступления – могут. Очень даже могут, потому что вчера, 23 сентября, часов в десять вечера ему позвонила из «Потсдама» горничная Майя и сообщила, что в гостинице такая скука, что хоть ложись и помирай. Колмацкий понял горничную правильно и уже в один-

надцать был на службе.

До половины второго они в пустующем номере «люкс» занимались тем, что называется дружеским сексом. Никаких обязательств, долговых расписок и устных обещаний. Просто секс, сигарета, пара анекдотов из жизни гостиницы, глоток водки, душ, снова секс, на этот раз чуть более острый и тщательный, короткая передышка, еще раз душ – и Филя уехал домой, спрыгнув из окна второго этажа, створку которого держала Майя. Контакты между персоналом гостиницы администрация не поощряет. Тем более настолько тесные.

Но вот стоит ли говорить об этом мужику с побитыми сединой висками, что уже переламывает бланк протокола допроса, чтобы начать? Пораскинув мозгами, вспомнив о той загруженности прокуратуры, о которой трубят все газеты, решил этого не делать. Генеральная прокуратура ныне олигархов сажать не стесняется, чего говорить о коридорном, который, как оказывается, ночью трахался с горничной, которая должна была тащить в этот номер поднос, но вдруг отказалась, и потащил он, коридорный? Заподозрят преступный сговор: горничная с коридорным решили дорогого мужика прирезать, чтобы деньги выкрасть. В «Потсдаме» за время работы Колмацкого еще три убийства случились, и, судя по настрою прокуратуры не оставлять ни одного тяжкого преступления нераскрытым (цитата из телеинтервью с Генеральным прокурором страны), их тоже, вместе с этим толстяком, повесят на Колмацкого. У Колмацкого есть зна-

комые, по большей части из числа тех, что «гостили» в зоне не раз, и все они в один голос твердят о том, что добывать признательные показания правоохранительные органы, когда хотят, умеют.

– Ну-с, – бросил между тем следователь, – где вы перешли Яресько дорогу, господин Колмацкий?

Филя подобного начала не ожидал. Как раз в тот момент, когда следователь открыл рот, он готовился давать ответ на вопрос: «Вы не хотите облегчить свою душу?» А тут – нате. Где перешел… На Майке и перешел. Так и говорить, что ли? Правду, что ли?

– С чего бы администратору гостиницы показывать пальцем на какого-то коридорного, вместо того чтобы сохранять реноме гостиницы и утверждать, что персонал, естественно, не при делах? – спросил, развалясь в кресле, следователь.

Хороший вопрос, подумал Колмацкий. В смысле, плохой. Не отъедешь на «не знаю».

– Есть у нас горничная, зовут Майей, – мысленно перекрестившись, начал коридорный. – Симпатичная девушка, в позапрошлом году стала «Мисс Тверь», но из родного города уехать не захотела, и на этом карьера ее топ-модельная закончилась. Рост у нее – сто семьдесят три. Узка в бедрах, точна в движениях, мила лицом.

– Это не ее вели по коридору, когда я сюда поднимался?

Коридорный сказал, что уводили двоих, а потому вопрос для него сложен.

– Правильный овал лица, – настоял Кряжин.

– У них у обеих правильный. С неправильными, простите, сюда не берут.

– Вот здесь родинка, – следователь отвернул воротник рубашки и показал почти на груди точку.

– Нет, не она, – решительно замотал головой Колмацкий. – Наверное, вы Вику видели.

Следователь успокоился и вновь весь обратился во внимание. Похоже, он любил рассказы из этого цикла.

Колмацкий поведал о том, как в прошлом году Павел Маркович подкараулил Майю в одном из номеров, когда та чистила в нем ванну, прикрыл за собой дверь, и только отмеченный на конкурсе глубокий голос «Мисс Тверь—2002» не позволил администратору стянуть с нее трусики ниже колен. Конечно, сказал увлеченный своим рассказом Колмацкий, это делается не так. И такой мужчина, как администратор, мог запросто сводить Майю в ресторан после его закрытия, попросить халдеев принести и поставить на стол бутылку сангрии, креветок, и не нужно было бы после этого проникать в ванную, как разбойнику, и сдергивать со слушающей через наушники «love songs» девушки нижнее белье.

И потом, вместо того, чтобы загладить свою вину все той же сангрией и по-мужски своего таки добиться, Павел Маркович стал необоснованно придираться к Майе по поводу якобы плохо протертой пыли на комодах в номерах, не до блеска вычищенных унитазов и пресекать все контак-

ты Майи с лицами мужского пола. Последнее удавалось ему особенно плохо, ибо Майя всегда задерживалась в номерах знатных господ подолгу и почасту и вовсе не для того, чтобы почистить на клиенте пиджак. Факт этот Павла Марковича бесил. Сама мысль о том, что кому-то она дает и, наверное, еще и кричит при этом, но не такой дурниной, как от него, приводила администратора в исступление. А в феврале сего года, когда у него, Колмацкого, был день рождения, находящаяся с ним в хороших отношениях Майя подарила коридорному торт и мягкую игрушку, зайца. Ставший свидетелем этого, Яресько почему-то решил, что, отвергнув его, мисс выбрала коридорного, и после этого от Майи Павел Маркович фактически отвязался, перенаправив свою неприязнь на него, Колмацкого. Отношения с того дня пошли вкось, Яресько, душа черствая, стал придираться уже к нему и в разговоре всякий раз старался занозить.

А потому не стоит удивляться, что, когда зарезали клиента, он сразу указал на Колмацкого. А Колмацкий, между прочим, когда обнаружил труп, сам сообщил об этом администратору.

– А я всегда думал, что гостиница – это место отбывания наказания представителей различных профессий, объединенных в одну команду под названием «персонал», – сознался впечатленный рассказом следователь. – А тут видишь, зайцы… Филипп Олегович, скажите честно – а вы *там* тоже бывали?

Колмацкий яростно завертел головой, и Кряжину в какое-то мгновение показалось, что та сейчас открутится и упадет на паркет. По его глубокому убеждению, так не похозяйски относятся к важному органу только те, кто пытается отрицать очевидное.

– А ведь лукавите, Филипп Олегович, – вкрадчиво улыбнулся следователь и постучал по бланку протокола допроса согнутым пальцем. По тому месту, где говорилось об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. – Ой, лукавите! То, что на груди Майи под наглухо и под горло запахнутым форменным платьем нет родинки, вы знаете, а факт того, что она это платье перед вами расстегивала, отрицаете. У вас что, раздевалка совмещенная?

Вот так и попадают в казематы, с огорчением подумал Колмацкий. А с виду следователь – дурак дураком. Похотливо озабоченный, имеющий троих детей и верную располневшую жену, любящий байки про женские грехи. И ведь, что самое обидное, сам все рассказал. Пустили его по рельсам, он и прикатил.

Теперь даже не стоит внезапно вспоминать, как на пляж вместе с Майей ходили или она над его столом склонялась…

– Ну… Было пару раз, засаживал, – развязался Колмацкий. – А кто ей, спрашивается, тут не засаживал? Один Павел Маркович Яресько, дай бог ему здоровья!

Кряжин кивнул и подтянул к себе протокол. Колмацкий думал, что на этом месте следователь самоудовлетворение

завершил, но последний вопрос застал его просто врасплох.

– И когда во второй раз?

– Что?

– Последний раз из пары, спрашиваю, когда был?

Коридорный опешил.

– Определенно не помню…

– Бросьте, – возразил Иван Дмитриевич. – Сто семьдесят три сантиметра, узка в бедрах, зелена во взгляде, зайчиков дарит. У меня тоже была такая, Колмацкий. Правда, зверей не вручала, все больше билеты в Большой. И я точно могу сказать, что последний раз секс у меня с ней был двадцать восьмого июля две тысячи четвертого года. В гримерке одного народного артиста, позволившего мне немного развеять тоску, пока он исполнял партию Ленского. Бросьте, Колмацкий, такие не забываются.

– Неделю назад, в четыреста втором номере «люкс». Два раза подряд без остановки.

– Вот это по-мужски. Я о вашем желании сотрудничать. Вас сейчас отвезут в прокуратуру, у меня еще несколько вопросов, задать которые я имею намерение лишь у себя в кабинете. А напоследок банальный вопрос из арсенала следователя-формалиста. Где вы распоряжались своим временем в период с двадцати двух часов вчерашнего дня и до трех часов ночи сегодняшнего?

И Колмацкий признался, что ночь он провел дома, в однокомнатной квартире в Южном округе столицы. И ему очень

жаль, что подтвердить это никто не может. Пришел он около десяти, когда соседи с улицы уже вернулись, а ушел в шесть, когда те из квартир еще не вышли. Но ведь это не есть доказательство того, что дома он не ночевал?

– Конечно, нет, – согласился Кряжин. Коридорный ведь расписался в том, что предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. А за это, простите, до двух лет лишения свободы. Вот так, в совершенно раскованной обстановке беседы со следователем Генпрокуратуры ляпнешь чего не подумав – и бирка на фуфайку на два года. Не дурак же Колмацкий лгать под такой расклад, в самом-то деле, решил Кряжин.

Колмацкого муровец по фамилии Тоцкий увел, второй сыщик по фамилии Сидельников разыскал и привел горничную. Та еще не совсем оправилась от первого посещения триста семнадцатого номера, поэтому выглядела бледно, максимум – на второе место в конкурсе «Мисс «Потсдам».

– Здравствуйте, Майя, – приветствовал ее следователь, вынимая из кармана упаковку жвачек и отправляя одну из них в рот. – Как вы себя чувствуете?

Вопрос был излишен, так как было совершенно очевидно, что чувствует она себя не очень. Тем не менее на стул села и желание давать показания выразила.

– У меня такое впечатление, Майя, что вы хронически не высыпаетесь.

Она подняла на следователя взгляд и в его глазах попыта-

лась выяснить подоплеку такого странного начала допроса.

Симпатичный мужчина с едва заметной сединой на висках (она сходила от этого признака мужественности с ума) и мягким взглядом мгновенно определил, что она сегодня не спала. Не плакала, не страдала от увиденного, а именно – не выспалась.

– Я не по глазам это понял, – предугадывая ее мысль, объяснил Кряжин. – У вас припорошенные пудрой мешки под глазами. Мешки доброй юности, когда они являются еще не мешками, а едва заметной невооруженным взглядом синевой. Лицо у вас чисто, и только под глазами тончайший, чуть придавленный подушечкой слой пудры. Значит, скрывали ночную усталость. Нужно себя беречь. Филипп, он мужчина, ему проще. У него после бессонных ночей мешки начнут появляться позже, после тридцати пяти, женский организм тоньше, его нужно опекать.

Она вспыхнула. При чем здесь Колмацкий? Что говорил Колмацкий? Зачем вообще она здесь? Если из-за того, что попросила коридорного отнести в этот номер поднос, так это из-за занятости, а не по другой причине.

И он объяснил ей, тактично пережевывая жвачку, что Колмацкий здесь совершенно ни при чем, как и она. И то, что сейчас происходит, это дружеская беседа под роспись в протоколе допроса свидетеля. И, кстати, напрасно она так самозабвенно выгораживает Колмацкого. Он, к примеру, в отношении ее этим не занимался. Не выгораживал. И если

Кряжин знает теперь о наушниках в ванной, так это благодаря исключительно откровениям Колма…

– Негодяй! – она вспыхнула, тут же погаснув. – А я ему торт…

– И зайца, – напомнил Кряжин.

Теперь решай, кто из них больший подлец – Яресько или Филя! Или остальные, с кем приходилось сталкиваться. Один, кроме кроличьей любви, на большее не способен, второй – как Маугли. Поимеет – и через окно, по деревьям. Остальные – за пятьдесят баксов. Надень эту офицерскую форму… ударь меня по спине бархоткой… поговори со мной на английском языке… неважно, что не знаешь, просто поговори по-английски…

А этому она – зайца. И что он с ним сделал? Сожрал, наверное, тварь.

– Он не рассказывал вам, как по стенам лазает?

– Нет, – удивился Кряжин. – А, позвольте спросить, зачем он это делает?

Как это зачем? Колмацкий – самец. Чтобы достать ночью женщину (в этот момент она покраснела, потому что по логике вещей она должна была произнести – «самку»), он приезжает к ней ночью, неправильно истолковав дружеский звонок, пробирается через окно по стене, а потом снова уходит по стене.

– В самом деле? – Следователь рассмеялся. – И в котором часу он акробатировал?

В одиннадцать приехал и в половине второго ночи уехал. А то, как она поняла, тут готовы только женщину винить! Один озабоченный в ванной нападает, второй через окно, остальные слюни вытирают, когда она по коридору идет! А с кем она в номерах, так это не их животное дело! И ничего постыдного в ее поведении нет, потому как в помойной яме все пахнут дерьмом!! Она не замужем, проституцией не занимается, имеет трудовую книжку и постоянную регистрацию в Москве! И это ее дело, кому давать, а кому не давать!..

В номер заглянул Тоцкий, чтобы убедиться в том, что горничную не режут. Просто так заглянул, машинально.

– Ну-ну-ну… – пробормотал Кряжин. – Полноте. А то у меня сейчас магнитофонная лента расплавится.

– У вас включен магнитофон?!

– А вы за что в протоколе только что расписывались?

Он посмотрел на часы, позвонил Сидельникову и велел сделать ей «рассадку»[1] с уже находящимся в машине Колмацким. Короткий тайм-аут был необходим, время на пребывание в номере еще оставалось, и он собрал сыщиков на перекур.

А в окна барабанил сентябрь. Он швырял в стекла пригоршни воды, склонял к земле деревья и обещал, что это последний раз, когда он смирился с пребыванием на своей территории бабьего лета.

---

[1] Размещение задержанных таким образом, чтобы они не имели возможности вступить в контакт друг с другом.

Мобильный телефон убитого, найденный в кармане его пиджака, мог ускорить процесс понимания ситуации. Таким людям, как покойный Резун Константин Игоревич, звонят каждые пять минут. Но телефон был отключен, стрелки на настенных часах показывали начало второго дня, и до сих пор еще никто не спохватился, что губернатор Мининской области не вышел на связь.

Кряжин уже дважды запрашивал Мининск. Скажите, спрашивал он в первый раз у секретаря по телефону, полученному из Генпрокуратуры, где он может найти Константина Игоревича? «Он улетел в Москву, – отвечала секретарь, – и будет только послезавтра».

Во второй раз он, когда звонил, представился и спросил, на встречу к кому улетел губернатор Мининской области Резун. И ему ответили: «Не знаем, в его графике этой поездки нет». И Кряжин рассказал правду. Это было полчаса назад, но и за это время никто так и не удосужился приехать в «Потсдам» и уточнить детали. Журналисты, репортеры, те были. И их было много. Камеры, фотоаппараты, микрофоны на палках, могущие ввести в ярость любого нормального человека. Журналистские версии, уже получившие огласку, мнение компетентных источников о том, что Генпрокуратурой уже установлен ряд лиц, причастных к совершению данного преступления… Все это уже было. Именно по этой причине Кряжин старался отработать в гостинице по максимуму, чтобы не продираться в нее сквозь строй репортеров

каждый раз, когда вспомнит о собственной недоработке.

Яресько дал показания: Резун прибыл не один, с ним был мужчина, и этому мужчине Константин Игоревич сказал, что прибудет сам за полчаса до встречи. Что это за встреча? Если в Администрации, то Кряжин об этом давно бы уже знал. Если в Совете Федерации – тоже. Да и секретарь Резуна знала бы, а не говорила глупости о незапланированных поездках шефа.

Словом, дело губернатора Мининской области в Москве – тайна, покрытая мраком. Мужчина, прибывший с Резуном в отель, знал, что тот приедет на встречу сам. Но до сих пор не взволновался и не вернулся в гостиницу, чтобы узнать, почему Резун на ту встречу не прибыл. Значит, либо час встречи еще не настал, либо теперь кому-то очень невыгодно, чтобы информация о близости с Резуном – ныне покойным – просочилась наружу. И это правильно, что Константин Игоревич такие встречи не планирует заранее. Видимо, знать о них должен лишь узкий круг лиц.

– Пройдемся, – сказал Кряжин, вставая с насиженного места. – Знаете, что такое следственный эксперимент?

Это он так шутит, подумали Тоцкий с Сидельниковым, опера с десятилетним стажем. И всякий раз юмор у него под стать обстановке. Знают ли они, что такое следственный эксперимент… Если бы Кряжину не было сорок два и восемнадцать из них он не отдал следствию, ему можно бы было ответить с той же дерзостью: да когда ты валялся в детской

присыпке, как котлета в муке, мы тут с Четко!..

Но так ни в МУРе, ни на Большой Дмитровке никто никогда не скажет. Потому что знают – если Кряжин смеется над чем-то, значит, это на самом деле смешно. Просто не до всех доходит.

Они подошли втроем к двери триста второго номера, и Кряжин сказал Сидельникову:

– Сейчас бежишь в триста семнадцатый, находишься там ровно пять минут, потом так же бегом возвращаешься к нам. Время пошло…

Вот так всегда! – думал сыщик, тяжелой поступью осенних ботинок барабаня по ковровому настилу коридора: когда нужен подопытный зверек, старший оперуполномоченный МУРа Сидельников всегда к услугам Генеральной прокуратуры. Пробыв в номере пять минут – время он засекал не по наручным часам, а по настенным, он выскочил, прикрыл за собой дверь и финишным спуртом достиг двери триста второго номера.

Пять минут и двадцать одна секунда. Подумав, Кряжин толкнул дверь, и она открылась. Они вошли в чистый и прохладный триста второй, оборудованный, как и триста семнадцатый, кондиционером, и следователь, облегченно вздохнув, приказал:

– Раздевайся и ложись в постель.

– Грехи мои неискупаемые… – прокряхтел Сидельников, оскорбленный тем, что его заставляют выполнять экспери-

ментальный труд без всяких разъяснений.

– Я проверяю одну навязчивую мысль, – сказал Кряжин, с обидой догадываясь, что его не понимают. – Майя Кормухина дала показания о том, что в ночь убийства Резуна к ней приезжал Колмацкий. Дело было в одиннадцать часов. Они занимались любовью несколько раз и всякий раз по очереди удалялись в душ. Кормухина уверяет, что и он, и она под душем пробыли по десять минут. И сейчас я пытаюсь выяснить, можно ли успеть за то время, пока партнер отмывает в ванной свое грешное тело, успеть прикончить Резуна и вернуться как ни в чем не бывало в постель.

Кряжин проверял обоих. Было достаточно причин, чтобы производить проверку как в отношении Колмацкого, так и в отношении Кормухиной. Почему женщина? Потому что Кряжин не знал, что существуют мужики, которые перед тем, как лечь спать в гостиницах, раздеваются без причин догола и, во-вторых, трусы снимают раньше носков. А горло… Горло перерезать могла и Майя. Тельце у нее тренированное, ручки крепкие, ножки стройные и сильные.

Одеться, добежать, перерезать, вернуться, раздеться и лечь… Можно успеть ровно за десять минут.

А если к тому же Кормухина и Колмацкий были заодно?

Глава первая

ИЗ РАПОРТА НАЧАЛЬНИКА УФСБ ПО ЮЖНОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ОКРУГУ РФ ДИРЕКТОРУ ФСБ РОССИИ, 10.04.2004 Г.:

«Секретно. Экземпляр единственный.

Докладываю, что в ходе реализации оперативной информации сотрудниками УФСБ по ЮФО проведен ряд оперативно-розыскных мероприятий в г. Грозном, в ходе которых задержан и отработан на причастность к неочевидным преступлениям ряд лиц, подозреваемых в сотрудничестве с руководителями международных террористических групп, ориентированных на преступную деятельность на территории Российской Федерации.

В ходе разработки фигуранта S-24, имеющегося в Вашей картотеке, возникли основания предполагать причинно-следственную связь между активизацией групп, ориентированных на проведение терактов на территории ЮФО, и участившимися случаями захвата исполнительной власти в ряде субъектов Федерации.

При проведении комплексного допроса S-24 стал давать показания относительно того, что международные террористические организации, финансирующие деятельность банд боевиков на территории Чеченской республики, избрали новое направление своей деятельности, представляющее

реальную угрозу безопасности государственной власти России.

Из числа наиболее склонных к организаторской деятельности и имеющих авторитет на клановом уровне лиц кавказских народностей избираются руководители этнических преступных сообществ, которые на протяжении двух последних лет осуществляли проникновение во властные структуры ряда субъектов Федерации. Имея прочную финансовую связь с местными преступными группировками и мощную финансовую поддержку из-за рубежа, лидеры этих сообществ ориентированы на переподчинение государственных интересов политических кругов России интересам международных террористических организаций.

Используя получаемые средства, МТО (международные террористические организации) действуют по существующим на территории России преступным правилам. Зная о неприязни русскоязычного населения к преступным группировкам этнического типа, руководители МТО используют русские традиции. К наиболее распространенным явлениям такого рода относится «коронование» вышеуказанных лиц для придания им статуса «воров в законе».

Как пояснил S-24, по имеющейся у руководителей МТО информации, традиционные принципы такого статуса в России уже утрачены, однако среди населения и руководителей предприятий, а также некоторых

политических деятелей бытует мнение о том, что лица, наделенные статусом «вора в законе», являются лицами выше правил, борьба с которыми правоохранительными органами если и ведется, то недостаточно слаженно. Ориентация МТО на то, чтобы наделять избранных ими лиц «воровскими» званиями, по мнению S-24, является более выгодной, нежели организация крупномасштабных террористических актов.

Избранные лица «коронуются» вопреки правилам не за заслуги перед преступным миром, а за средства, выделяемые из-за рубежа. Внося порядка $ 100 000–200 000, МТО внедряет в ряды уважаемых в преступных кругах лиц своих людей, которые организуют дисбаланс в воровских традициях ОПС России и перенаправляют их деятельность в интересах МТО.

Лица, выдвигаемые на исполнение такого рода функций, избираются из числа бывших партийных работников СССР, о деятельности которых утрачена информация, и из уважаемых на Кавказе исламских религиозных деятелей ваххабитского толка.

В связи с перспективой появления реальной угрозы безопасности государственной власти и проверкой данной информации полагал бы следующее:

1. Ориентировать работу внедренных в преступную среду лиц на выявление «пиковых воров» и организационно-штатную структуру их ОПС.

2. Посредством деятельности внедренных лиц организовать столкновение интересов «воров в законе» с интересами «пиковых воров» при попытках

проникновения в структуры государственной власти: дискредитация выдвигающих свои кандидатуры лиц с сомнительным прошлым, не поддающихся быстрой проверке, организация пересечения интересов при перераспределении зон преступного влияния, сброс достоверной информации в не владеющие данной оперативной обстановкой структуры избирательных комиссий и подразделений милиции…»

Самое неприятное в жизни каждого следователя – состояние подследственного в момент перехода его от лжи к правде. В эти мгновения с человеком совершаются самые отвратительные процессы, начиная от нарушения обмена веществ, в связи с чем он начинает выделять из желез секреции неприятный запах, и до мимики, свойственной разве что каннибалам, оскоромившимся говядиной.

Антропометрические данные мутанта уменьшаются, его способность мыслить переключается на рефлексы, направленные на то, чтобы потерпеть наименьший урон при поражении сокрушительном, и в конце концов, каким бы подонком лжец ни был в жизни, его насквозь продирает стыд. Причем это не здоровое чувство стыда, после которого следует зарок не совершать более ничего подобного, а разочарование от того, что кто-то оказался хитрее.

Наблюдать за этим порою бывает очень неприятно. Да еще эта осень…

Кряжин осень не любил со студенческой поры. Он жил на Большом Факельном, а его знакомая по университету – в

Химках, и всякий раз, когда в ту осень, единственную совместную в их жизни, он пробирался в частный сектор по улицам, лишенным света, он приходил к ней по колено в грязи. Он экономил на завтраках, обедах и метро лишь для того, чтобы два раза в неделю приходить к ней в гости с цветами и оставаться до позднего вечера. А потом она вышла за другого и укатила вместе с ним, бросив университет и, понятно, Кряжина. С этого времени каждый раз, когда август сворачивал свои разноцветные шатры и трубил отступление, Кряжин понимал, что наступает пора, которую великий пиит именовал прекрасной и даже очарованьем очей, но которая в него снова вселит дурное расположение духа и усталость. С годами осенняя депрессия миновала, ощущения притупились, однако всякий раз, когда приходил сентябрь, он ждал первого снега. С ним, первым, уходила тоска, разочарование и возвращалось хорошее настроение.

На дворе стояло двадцать четвертое сентября, до снега было далеко, и Кряжин сидел и смотрел, как уменьшаются в размерах люди, уличенные во лжи и признающиеся в этом.

Чем длиннее процесс перехода от неправды к правде, тем меньше становятся размеры собеседника даже для него самого, тем большее отвращение испытывает его визави, тем хуже настроение. И это та самая часть работы, которую Кряжин не любил.

Убийство в московской гостинице главы администрации Мининской области произвело на общество удручающее

впечатление. Очередное убийство. Все, что оставалось простым горожанам, это довольствоваться своим социальным положением. Не богат – значит, не посадят. Не пытаешься стать еще богаче – значит, не убьют.

Когда убили первого депутата или губернатора новой, демократической России? Никто не вспомнит. Но случилось это в тот момент, когда для воров в законе и просто бандитов перестала иметь значение «масть». То, что раньше при любых обстоятельствах являлось самым настоящим западло для уважающего себя вора, стало нормальным явлением, когда в законодательную и исполнительную власть толпой, отстреливаясь на ходу, полезла криминальная, зажравшаяся братва.

И с этого момента правила пустырных и уличных разборок в полном объеме переместились в Думу, администрации городов и областей, советы городских и областных депутатов. За что убили депутата? Две версии – и это известно любому, кто хоть раз прислушивался к телевизионным сводкам криминальных новостей. Первая связана с профессиональной деятельностью, вторая – с коммерческой. Собственно, разницы между этими двумя нет никакой, ибо большинство избранников народа ходит в Думу, чтобы зарабатывать деньги. Не зарплату депутата – ежемесячное жалованье, а решать коммерческие задачи.

За что убили депутата? А губернатора?

Тот, кто читает газеты, знает маленький секрет. «Вы не

поверите, – скажет один такой другому такому, – но некоторые наши губернаторы, депутаты и руководители различных АО, дающих людям свет, тепло и воду, живут с семьями за границей, а в Россию приезжают…» И здесь они переходят на шепот: «…на заработки». А поскольку рабочее место человека, если к нему относиться без соответствующих мер предосторожности, всегда чревато травматизмом, то, оказываясь на работе, некоторые законодатели и исполнители часто ступают не туда, куда намеревались, следствием чего обязательно является либо тюрьма, либо больница, либо морг. Не застрахованы от вывихов пальцев и мозгов даже писатели, выходящие из дома лишь за кефиром, а вы хотите, чтобы такие люди, да еще приехав по делам, да ими занявшись, да рьяно, да жили вечно? Вечной, к чему следует относиться с полной мерой смирения, бывает лишь вечность. И к некоторым наиболее активным из перечисленной когорты лидеров она приходит, как правило, неожиданно и быстро.

Так за что убили губернатора?

По всей видимости, исходя из конкретной мизансцены в «Потсдаме», у него отнимали носки, и, уже лишившись всего и оставшись в чем мать родила, за свой левый он сражался до конца. Нечего и удивляться тому, что он наступил очень скоро.

– Я разве говорил, что знаю мертвого господина? – играет голосовыми связками Яресько, и следователь тянется рукой

к кнопке воспроизведения ленты на компактном «Sony». – Господин Кряжин, я никогда не лгу. И только поэтому я имею авторитет человека, которому можно вверить хозяйство целого отеля…

«*…Вы знали ранее гражданина, который 24 сентября был обнаружен вами мертвым в номере?*

– Никогда (скрип стула).

– Вам известно его социальное положение?

– Нет (скрип стула). Конечно, нет…»

– Правильно, – подтверждает Павел Маркович. – Это я говорил.

«*… А вы когда прибыли?*

(Сухой кашель уважающего себя администратора.)

– Как и положено, в семь часов ровно…»

Яресько разводит руками, не понимая, что ему хотят продемонстрировать. Кряжин производит с техникой какие-то действия, и она начинает выдавать прямо противоположную последнему заявлению администратора информацию.

«*…– В котором часу вы прибыли на работу?*

– Я? Я, простите, и не уходил. Я в гостинице со вчерашнего вечера. Меня просто никто не видел. Я лег спать в одиннадцать вечера…»

По лицу Павла Марковича пробежала тень, смахнула цвет здоровой кожи, и на свободное место тотчас наползла мертвенная бледность.

– Позвольте… – Яресько стал хватать ртом воздух, как на-

саженный на кукан окунь. – Это когда вы писали? Это вы писали до того, как предупредили, что будет вестись запись!.. Это незаконно!..

Но он замолкает, снова ожидая провокаций, потому что пленка опять перемотана и из динамиков в уши администратора льется знакомый до боли голос.

«… – Я, между прочим, когда обнаружил труп, сам сообщил об этом администратору. «Я стою, – сказал, – над клиентом». А тот в своей манере находить юмор там, где его отродясь не бывало, ответил, что, мол, знаю про клиента. Серьезный клиент. И мол, непонятно, зачем я над ним стою. Юмор такой, сержантский… А всерьез он только горничных лапает. Подкараулит, когда та в номере пылесосит или пыль протирает, заходит и начинает: «Ну, как вам, новенькая, у нас?» Та ему, мол, ничего, привыкаю, нравится. А он ей лапку – раз! – под юбчонку. «Нужно, – говорит, – молодые таланты наверх поднимать. Как вы смотрите, девушка, на должность старшей горничной?» Та ему отвечает, что старшей горничной, оно, конечно, неплохо было бы, но поскольку она сию минуту собирается грязной тряпкой вмазать по роже работодателю, то эта мечта просто–таки рассыпается в прах. Тот ручку – раз! – обратно и уходит из номера. Я сам из шкафа это видел, ей-богу! Зашел поговорить, а тут он нагрянул… Если мне память не изменяет, то ему еще ни одна не дала. А Майка рассказывала, как пошла однажды в триста первый ванную мыть. Там

какой-то урюк облевался, так она наушники плейера в уши вставила, респиратор надела и пошла. А тут чувствует, как у нее трусики до колен упали так, словно резинка лопнула…»

В организме администратора происходили странные преобразования. Он теребил воротник сорочки, ослабляя петлю на галстуке, которого у него на шее не было, потому что отобрали в дежурной части. Павел Маркович багровел, бледнел, и по всему было видно, что Колмацкий прав. Перевести из горничных в старшие горничные описанным выше способом Яресько никого не удалось. Ни разу.

– Это клевета… Он ответит за это. Маньяк… Нашел объект для своей больной фантазии, сволочь…

– Ну, это суду решать, – мудро заметил Кряжин.

– Суду?.. – Кряжин слова не слышал, он догадался о нем по движению администраторских губ.

Конечно. Какая у администратора короткая память! Ведь следователь подробно разъяснял ему его права и обязанности, указывал на официальные бумаги и говорил об уголовной ответственности…

– Вы должны меня понять. Я отец двоих детей, младшему из которых – пятнадцать лет. Из-за клеветы какого-то маньяка разрушится семья, чей очаг был согрет любовью и доверием…

– Так я насчет Резуна, – напомнил Кряжин.

И речь полилась, как река в половодье. Торосы предложе-

ний разбивались, дробились в сало, растворялись в воспоминаниях администратора. И к пятнадцатой минуте разговора перед следователем Генеральной прокуратуры Российской Федерации вырисовалась незатейливая и весьма смахивающая на правду картина.

В кабинет заглянул Тоцкий. На лице его значилось: «В данный момент Армагеддон не намечается, но было бы неплохо, если бы вы выслушали это прямо сейчас».

Кряжин был этому несказанно рад. Поскольку Яресько, увлекшись, начал рассказ уже по второму кругу, полагая, что чем больше он наговорит, тем проще будет договориться со следователем, наступал момент, когда его следовало притормозить и попросить стереть с уголков рта накипевшие слюни.

Он окажется здесь вторично через несколько часов. Это самый простой способ перепроверить то, что сейчас он, увлекшись, наболтал. И попросить начать сначала. Хоть сейчас-то он не сомневается в том, что его пишут?..

– Так я насчет записи… – мучаясь от полной зависимости, напомнил Яресько.

И его, взволнованного, увели. А сыщик, покосившись на портрет Президента и расположившегося напротив него Чезаре Ломброзо, присел на соседний стул. Особая черта любого сыщика – он никогда не сядет на то место, где обычно сидят допрашиваемые. Точно так же, как никогда не прикоснется к стакану, из которого тот пил. Будь тот при этом

хоть руководителем другой страны. Вряд ли кто из тех, кто оказывается в подобных кабинетах, знает, что он сел не на случайный стул и в момент волнения пил не из первого попавшегося стакана. И в протоколе расписывался не просто попавшейся под руку оперу или следователю авторучкой из канцелярского набора.

Всяк сюда входящий должен быть осведомлен: независимо от причин пребывания в этих кабинетах вам предложат сесть на «специальный» стул («Нет-нет, вот сюда, со мной рядом!»), «специальный» стакан предложат в момент внезапно появившегося приступа жажды («В какой же ящик я его сунул?..») и расписаться дадут «специально» подготовленную для этого ручку («Эта не пишет, вот этой попробуйте»). И хозяин кабинета обязательно предупредит несведущего, но «своего», чем ему пользоваться стоит, а чем нет. Именно по этой причине муровец обошел стол, бросил взгляд на Кряжина, получил согласие и уселся на стул напротив.

Тоцкий потратил время не зря. Задачу первую, наиболее доступную для быстрого исполнения, он выполнил в течение часа. Муровцам из его отдела понадобилось ровно столько времени, чтобы установить наличие аналогичных случаев, имевших место за последний год. Речь шла (тьфу-тьфу-тьфу!..) не об убийствах губернаторов, а о подобных случаях, где присутствовал нож, перерезанное им горло, левый носок или нагой вид. Словом, все, что могло бы показаться похо-

жим при виде трупа Резуна на постели гостиничного номера.

Ребята сработали на совесть. Восьмого сентября, за две недели до убийства мининского губернатора, на улице Енисейской в Бабушкине был обнаружен на лавочке некто Бекмишев. Прибывшие по сообщению перепуганной бабушки из Бабушкина врачи стали свидетелями весьма необычной картины. На лавке спиной вверх валялся пьяный до изумления мужик, глухо матерился и боялся крутить головой. Кричал, что его ограбили и почти зарезали.

Действительно, в части своего повествования мужик Бекмишев был прав. Но не в части вывернутых карманов. Его шея не перерезана, нет, здесь следует употребить слово «порезана». Да! – она была порезана от уха до уха, причем ни один из внутренних органов, отвечающий за жизнеспособность бекмишевского организма, поврежден не был. Вообще складывалось впечатление, что Бекмишев шел, потом споткнулся, упал на серп и получил молотом по затылку.

Странного посетителя перевязали в клинической больнице, и уже на следующее утро тот, как и положено, из нее сбежал.

Это была единственная аналогия из оперативной памяти МУРа. Словом, с первым заданием проблем не было, и Тоцкий выполнил его быстро, облегчив совесть Кряжина по максимуму. Выполняя второе распоряжение советника, уже являвшегося к тому моменту старшим оперативно-следственной группы по расследованию дела по факту убийства губер-

натора Мининской области Резуна, он отправил эскорт на Большую Дмитровку и вернулся в номер.

Но вернулся не сразу. Едва майор сообщил, что они следуют наверх, администратор затеял суету с поиском ключа с деревянной грушей и номером «317» на ней. После того как номер был освобожден, ключ вернулся в распоряжение администратора, и тот, конечно, его утерял. Но, подстегиваемый незнакомым Тоцкому ранее моложавым кавказцем, решил проблему быстро. Дубликат ключа нашелся в горницкой.

С майором поднимались на этаж трое из персонала «Потсдама»: дежурный администратор (не путать с Яресько, занимающим эту должность не через двое суток каждый месяц, а постоянно), дежуривший в ночь убийства и уже допрошенный следователем начальник службы безопасности, которого также не миновала чаша сия, и человек, разговаривавший с начальником СБ в тот момент, когда Тоцкий обратился к последнему. Именно этот южанин с чистым и чуть бледным лицом проявлял усердие в поисках утерянного ключа от злополучного триста семнадцатого номера. «Охранник», – пронеслось тогда в голове майора. Однако, когда процессия, возглавляемая опером из МУРа, уже почти поднялась на третий этаж, выяснилось, что один из троих, воспринятый муровцем как охранник, в списках рядового персонала «Потсдама» не значится.

– А вы кто? – удивился Тоцкий, остановившись на полпу-

ти.

– Занкиев Сагидулла Салаевич, – сказал чернобровый джентльмен с седыми висками. Последнее выглядело странно, ибо на вид джентльмену было лет тридцать. Тридцать три – от силы.

– Замечательно. Но мне бы хотелось, так сказать… Вы кем здесь?

– Управляющим.

Заставив кавказца сориентироваться при ответе в падежах, незаметно для окружающих майор решил две задачи. Во-первых, стало ясно, что человек образован и «маму» с «папой» в беседах не путает. Во-вторых, ему нужен был тон. Любой кавказец свою должность, пусть даже он вагоновожатый, произнесет с таким пафосом, чтобы все убедились в том, что он здесь человек не случайный, и не от безысходности, и не от малого ума, а непременно – по собственному большому желанию и, что самое главное, по призванию.

И он услышал этот тон. Спокойный, без ноток дерзости, вызова и снобизма. «Управляющим», – спокойно ответил человек в очень дорогом костюме, и стало ясно, что человек находится на своем месте. Как раз по собственному желанию и, что самое главное, по призванию. Он родился управляющим «Потсдама».

– Наконец-то, – сориентировавшись, говорит Тоцкий. – А мы уже подумали, что вы в командировке.

– Я с утра был сильно занят.

– Так сильно, что это пересилило чувство, которое испытали, узнав, что в вашей гостинице убили человека?

– Я не испытываю чувств, – то ли красовался, то ли честно признавался управляющий. – Я делаю бизнес.

И Тоцкий в этой ситуации принимает единственно верное решение. Он просит подождать его, спускается вниз и приглашает с собой еще одного молодого человека, ошибиться в социальной и должностной принадлежности которого теперь просто невозможно: на человеке коротенькая синяя курточка, шапочка без козырька и лакированные туфли. Коридорный.

Теперь уже впятером они поднялись наверх, администратор отпер замок в двери триста семнадцатого, и процессия, проникнув внутрь, заняла зал двухкомнатного номера.

– Зачем мы здесь? – равнодушно поинтересовался управляющий и подошел к настенному зеркалу пригладить виски.

– В этом номере убит государственный чиновник. Деятель, как точно формулирует это статья Уголовного кодекса. На этой кровати, – он обратил внимание на еще не прибранную, засохшую в замысловатых красных бурунах простыню, – ему перерезали горло. В этой связи я хочу задать ряд вопросов должностным лицам гостиницы, имевшим к этому косвенное отношение.

– Это каким образом, скажем, я имел к этому отношение? – уткнувшись в следователя враждебным взглядом, поинтересовался начальник службы безопасности.

– Хороший вопрос, – заметил Тоцкий, щелкая кнопкой на папке. – Главное, своевременный и в порядке правильной очередности. Именно с вами я и хотел побеседовать в первую очередь.

На столик, упиравшийся в пол четырьмя ножками, исполненными в виде лап кого-то из семейства кошачьих, упал лист. Буквы принтерной печати на нем слегка выгорели, как и положено при длительном нахождении документа под стеклом при искусственном освещении, но заглавие читалось легко даже с высоты человеческого роста.

– Это «Инструкция начальнику службы безопасности гостиничного комплекса «Потсдам», подписанная Занкиевым С.С.

Занкиев снова посетил плацдарм перед зеркалом и на этот раз пригладил поручиковские усы. Обычно так демонстрируют присутствующим: ты – сам по себе, я тебя не вижу.

– Пункт четвертый «Инструкции», – Тоцкий подтолкнул лист к начальнику службы. – Что там написано?

И майор отметил, что тот ведет себя точно так, как и управляющий. Взрослый дяденька лет сорока по фамилии Дутов сунул руки в карманы, отошел к окну и уже оттуда, рассматривая скользящие по Шаболовке авто, заговорил: «Начальник СБ отвечает за безопасность лиц, проживающих в гостиничном комплексе, включая и ночное время, если те находятся внутри гостиничного комплекса».

– Хотите взвалить вину на персонал? – вдруг спросил Зан-

киев. – Мы сделаем господину Дутову выговор за халатное отношение к службе. Но не его же вы собираетесь обвинять в убийстве?

– Как вы сказали? – тихо процедил Тоцкий. – Взвалить? Нет. Взваливать не хочу. А если взвалю, предупреждать не стану. Вы это мгновенно почувствуете на своих плечах. Но до вас очередь, Занкиев, еще не дошла. Сейчас имеет право отвечать Дутов.

И все-таки он не сдержался. Почувствовал это сразу, едва закончил говорить. Хотя, возможно, он имеет на это право. Уважительный тон одного из участников разговора обязывает каждого действовать в той же манере. И никак не приглаживать перед зеркалом усики недобитого коммунистами поручика и не погружать руки в карманы, отходя к окну в тот момент, когда к тебе обращаются.

– Дутов ответит, – пообещал Занкиев. – Но за свои действия отвечать будете и вы. Разница в том, что Дутов ответит перед вами, а вы – перед… Вам хорошо известна фамилия Лейников?

– Фамилия заместителя кафедры философии МГУ мне известна хорошо, – чувствуя в воздухе какое-то напряжение, ответил Тоцкий. Оперативный нюх майора стал улавливать какие-то неприятные нотки тревоги в воздухе, но Тоцкий не мог понять, откуда они исходят. Вынув из кармана телефон, он набрал номер и посмотрел на Занкиева.

На стене тикали часики, по которым совсем недавно све-

рял время Сидельников, отрабатывая армейские нормативы по подъему и отбою, на кровати по-прежнему бугрилась простыня, Занкиев продолжал гладить шерстку под носом, и в номере все сильнее отдавало какими-то нечистотами. Сквозь пропитанный ароматами «Арманомании» и «Кензо» воздух до внутреннего обоняния Тоцкого доносились импульсы неуюта.

– Слушаю, – наконец-то отозвался вызываемый.

– Тимофей Тимофеевич, это Андрей. У вас все в порядке?

– Да, Андрюша, – приветливо отозвался голос. – Сегодня со мной произошла презабавнейшая история. Приеду – расскажу!

– Лучше сейчас, – попросил Тоцкий, не сводя глаз с откровенно скучающего Занкиева.

– Семинар через минуту… Ну, да ладно. Представляешь, приходит ко мне сегодня молодой человек и предлагает пятьсот долларов за четверку в зачетке. Открыто, не стесняясь, представляешь? – Тоцкий услышал в трубке задорный смех, свидетельствующий о том, что такие номера со старым профессором не проходят. – Но самое удивительное заключается том, что я его впервые вижу!

– Я понял, – Тоцкий через силу улыбнулся. – До встречи, – и сложил телефон. – Вот, оказывается, чем вы были сегодня заняты.

Последнее относилось уже к Занкиеву, который впервые за все время проявил на своем лице живой интерес.

– Мы так и будем разговаривать в присутствии прислуги?

– Для вас это прислуга, а для меня понятые.

– Это одно и то же, – не задержался с ответом Занкиев. – Если бы они вышли до того момента, когда вы начнете осуществлять оперативно-следственные действия, наш разговор был бы более продуктивен.

«Школа», – уверился Тоцкий, кивая коридорному и дежурному администратору на дверь…

– Дай угадаю, – попросил, прервав рассказ майора, Кряжин. – Когда вы остались втроем, господин Занкиев выразил разочарование по поводу того, что лучшие сотрудники гостиницы томятся в тюрьме, в то время как зверь, перерезающий людям горло, гуляет на свободе и жирует. А без Яресько механизм гостиницы вообще заклинит уже через несколько часов. И, поскольку они уверены в невиновности своих подчиненных, а объяснить это Кряжину нет никакой возможности – решительно никакой, – они решили, что ситуацию в силах урегулировать тот, кто занимается при следователе непосредственным сыском. Должность и опыт Тоцкого достаточны, чтобы сыграть на его авторитете, а потому они решили… Кто такой Лейников Тимофей Тимофеевич?

– Это мой тесть, – сказал майор.

– Ловко. Господин Занкиев предупредил Тоцкого о том, что в жизни профессора Лейникова могут наметиться значительные перемены. Слишком резво начато, ты не находишь?

Тоцкий находил. Выслушав Занкиева со вниманием, он с минуту молчал, после чего повернулся к окну:

– Дутов, переместитесь наконец к столу. Пока я не переместил вас к Петровке.

Занкиев попросил вывести коридорного и дежурного администратора, оставив в номере начальника своей службы безопасности. Он вывел прислугу, а получилось, что – понятых. То есть – свидетелей разговора. Дутов передвинулся нехотя, не вынимая из карманов рук, а Занкиев пошел еще дальше.

Он приблизился к столу, сунул руку в карман и вынул конверт так быстро, словно тот сам заскочил в его ладонь.

– Андрей Андреевич, – сказал управляющий, зачем-то отодвигая в сторону Дутова и занимая его место, – моя гостиница – эталон законопослушания и высокого качества услуг. То, что произошло внутри ее стен, не укладывается в ее обычный быт.

Тоцкий уже почти был уверен в том, что за дверями стоят люди Занкиева. Все развивается в рамках плохого сценария, на качество которого у сценариста не хватило времени. Размышляя, как далее будет происходить дача взятки, что прозвучит в просительной части и как действовать при возможном появлении в номере непрошеных гостей, майор поднял со стола папку и поместил ее под мышку. И почувствовал, что остался в гостинице один напрасно.

Между тем Занкиев не делал никаких попыток усугубить ситуацию, а просто положил конверт поверх «Инструкции». Поверх «Инструкции»… Тонкий жест, далеко идущий.

– На Павле Марковиче была завязана вся организация работы гостиницы. Он честнейший из людей. Зачем мучить хорошего человека?

– Что-то вы о Колмацком ни слова, – заметил Тоцкий.

– На Колмацком не завязана организация работы всей гостиницы.

Майор подошел к столу, склонился над конвертом и, слушая затаенное дыхание присутствующих… вырвал из-под конверта «Инструкцию».

– Я вам сообщу, – сказал он и вышел из номера.

– Мне нужно было время, чтобы предупредить Лейникова, – объяснил он Кряжину.

Да, это были издержки «одиночного плавания», в которые изредка пускаются оперативные работники МУРа. Однако изредка, недооценив способности и направление удара противника, они попадают впросак и – честь им и хвала за это – выбираются сухими из воды.

Получилось следующее. Поняв, что в гостинице что-то случилось (либо давно готовясь к этому), Занкиев все утро и половину дня провел в работе. Выяснял, кто возглавляет следственно-оперативную группу, возможно, даже выяснял в Генеральной прокуратуре, правомерна ли она, то есть – вы-

несено ли Генеральным постановление на ее создание, и, когда понял, что руководит ею Кряжин, тут же переориентировал свои интересы на более доступное лицо – Тоцкого. О нем, по крайней мере по Москве, в криминальных и чиновничьих кругах легенды не ходят, а прогибается он перед ситуацией или нет, это еще проверить нужно. И проверка состоялась.

Несомненно, Занкиев положил на это уже немало сил. И вряд ли теперь намерен отступать. Вопрос: зачем ему это все нужно?

Он делает попытки вынуть Яресько из следственного изолятора, словно администратор является родным братом управляющего.

Кряжин выдохнул в воздух струйку белесого дыма и успокоился. В конце концов, ответ и на этот вопрос поможет понять, почему дело получило гриф высокой сложности и особой важности. В конце концов, именно по этой причине оно и передано для расследования старшему следователю Генпрокуратуры.

– Лейникова – в отпуск, в деревню. У Лейникова есть на примете деревня? Так вот, справку из поликлиники – и туда. Сердце. Нужен максимум свежего воздуха и минимум незнакомых студентов с зачетными книжками в руках. А Яресько можно отпускать. Не потому, что Тоцкий влип. Пусть сам выкручивается опер. Не дело это – по гнездам разврата в одиночку шататься. Потому что наговорил Павел Мар-

кович под запись магнитную и бумажную столько, что сейчас он скорее на стороне следствия, нежели управляющего. А чтобы ввести в стан неизвестных пока врагов (Занкиев – не факт) подругу-непонятку, нужно сделать так, чтобы и рыбу съесть, и кости сдать.

И Кряжин спустя полчаса уже подписал у Генерального рапорт о необходимости направления в Мининск двоих сотрудников МУРа для выяснения двух вопросов. Чем занимался господин Резун на посту губернатора, исполняя функции оного, и чем увлекался на досуге.

Вопрос третий советник в рапорте указывать не стал, он шепнул его в кабинете на ушко сыщику при работающем вентиляторе и шуме, прорывающемся сквозь приоткрытую наискось створку пластикового окна: а не совмещал ли господин Резун служебные обязанности с хобби, коим и увлекался в часы досуга.

И вечером того же двадцать четвертого сентября, через два часа после того, как из ИВС вышли растерянные Колмацкий и Яресько, Тоцкий и Сидельников уже пили минеральную воду в самолете, уносящем их на север.

Глава вторая

Яресько сначала не верил в то, что случилось. Выйдя из изолятора на улицу со шнурками и брючным ремнем в руках и копией постановления об освобождении, он с минуту постоял перед зданием на Красной Пресне, потом двинулся по улице.

Присел на лавочку, вдел шнурки и направился дальше. Потом вспомнил о ремне, вдел и его.

Потом вспомнил о деньгах и остановил машину частника.

Павел Маркович дураком никогда не был, разве что только сегодня, когда, удрученный показаниями негодяя коридорного Колмацкого… бывшего коридорного негодяя Колмацкого! – наговорил следователю гадостей. Гадостей, как он окрестил свои показания, по его представлению, хватало лет на пять срока каждому из упомянутых. А что было делать? Советник Кряжин, как честный человек, не имеет сейчас права предавать огласке эти воспоминания Колмацкого. Зачем ему это делать? От того, что Яресько рассказал, он может так же легко отказаться. Давление, оно было. Чудовищное давление было на ни в чем не повинного Яресько. Сначала администратора, конечно, били опера.

Администратор воровато оглянулся и вошел в пахнущий сыростью двор. Еще раз посмотрел по сторонам, уперся руками в стенку с выщербленным кирпичом и несколько раз

вскользь ударил ее своей височной частью. Из рассеченной брови хлынула кровь.

Яресько испугался. Ему в зрелом возрасте лицо никогда не били, а потому откуда, спрашивается, администратору «Потсдама» было знать, что из рассечения на твердых участках головы крови порой бывает больше, чем от ножевого ранения в грудь.

Она, алая, лилась ручьем и заливала одежду. Яресько стирал ее платком, возвращенным в дежурной части, и холодел от той мысли, что не хватало еще от кровопотери потерять сознание и оказаться доставленным в больницу как жертва уличного нападения.

Кровь перестала течь, и администратор решил выгулять часов пять, пока она засохнет, чтобы со спокойной душой отправляться в судебно-медицинскую экспертизу. Пусть снимут побои.

На чем он остановился? Ах да, били опера. Кряжин, следователь, тот не бил. Он курил ему в лицо, опершись ногой в стул, на котором сидел Яресько, и говорил препакостнейшие вещи. Мол, сознаваться в убийстве нужно. Мол, управляющего уличать. Куда, мол, деньги и золото Резуна дел? Нет, нет, о золоте – ни слова. Цепь-то какая на шее осталась… Просто – деньги. Где, мол, кричал Кряжин, деньги? Сука, мол.

И тут он вспомнил о своих деньгах. Вернули все до последней копейки: пять тысяч семьсот двадцать три рубля

пятьдесят копеек купюрами и мелочью и двадцать евро купюрами. И ключи от квартиры вернули, и «Ролекс» золотой, и перстень с александритом, и платок. Но платок уже весь мокрый, и Яресько выбрасывает его в урну.

Колеса завизжали, машина остановилась.

– Куда едем, командир?

– На Большую Оленью, – буркнул администратор, падая на переднее сиденье.

– Далеко до Большой Оленьей, – предупредил водила, лет сорока на вид.

– Не обижу, – пообещал администратор.

– Да? А это тебя так не предыдущий таксист? За «необиду»?

Яресько промолчал и хранил покой до того момента, пока по старой шоферской привычке не разговорился таксист-частник.

– Это я сейчас «частник», – объяснял он. – Из парка ушел, потому что невыгодно. Ремонт, бензин – за свой счет. «Три тополя на Плющихе» видел? Вот точно так же стоишь, стоишь… А лицензию получать – еще дороже выходит. Так что сейчас приходится вот так, на подхвате… Вот куда, сука, лезет?! Ты вправо прими, бес!.. Если повезет – то дальний рейс. На Большую Оленью, к примеру.

Яресько поджал губы, поморщился и отвел взгляд от переднего стекла к боковому. Вот эти «вагонные встречи» он никогда не поощрял ранее, а сейчас, когда после стольких

лет езды на «Мерседесе» вынужден был слушать этот шоферской бред, он казался ему еще более навязчивым, чем десять лет назад.

– А мы ведь раньше, прежде чем в парк устроиться, экзамен по истории Москвы сдавали, – рассказывал водитель. – Чтобы было чем клиента во время поездки развлечь. О домах памятных рассказывали, датах, о площадях, о людях, которые город прославили. О любой улице мог наговорить, причем истинной правды. И ты знаешь, не одни мы, московские таксисты, такой экзамен сдавали. Это по всему СэСэСэРу практиковалось! – такой вот, единый госэкзамен…

Яресько устал, и у него заболела голова. Она заболела еще в изоляторе, сразу после откровений, излитых советнику из Генпрокуратуры. После сражения с бетонной стеной она просто раскалывалась. И болтовня водителя эту боль усиливала.

– …Летал я как-то в Питер, подсел в такси, мужик за рулем тоже, как я, лет сорока. Разговорились. Стали вспоминать, как гидами во времена перестройки у клиентуры были. Я о Феликсе Дзержинском на Лубянке рассказал, как тот болел чахоткой и его сокамерники по очереди на прогулку на спине выносили, а он мне о мосте. Я так никогда не смеялся, – и водитель, вспомнив подробности разговора, действительно рассмеялся. – Ты представляешь, мосток этот строил инженер, Карл фон Клодт его звали. Тщедушный малый был, хлипкий телом и нравом. Но жена у него была, говорят,

большая красавица. И ухлестнул за ней какой-то питерский франт. Тогда положено было на дуэль, конечно, вызывать! За такие-то дела… Но инженер был таким фраером, что даже самого себя на дуэль ни за что не вызвал бы. Но отомстил. И ты знаешь, как?

Яресько чумел на глазах. Он уже сожалел о том, что сел именно в эту машину.

– На мосту том горбатом рвутся на дыбы четыре коня, которых удерживают четыре мужика. По мужику на коня. Так вот тот, что слева, через Мойку… – таксист пощелкал пальцами.

– За Аничковым дворцом, что ли? – машинально ввязался в беседу Яресько.

– Да! Та пара коней, что через мост от Аничкова дворца! Так вот, у левого коня вместо члена – рожа ухажера жены Клодта. Круто инженер отомстил? Будь я Клодтом, я бы специально под нынешний созыв четыреста пятьдесят литых коней в Москве нашел. Разбился бы в доску, но разыскал! За «автогражданку», за единый налог, за Чечню… А кое-кого из них прямо-таки в полный рост к коням бы приделал. Вот смотри – «чиркаш»[2] проехал! Я этих сволочей за версту чую… А про улицы московские, я, брат, все знаю.

– Да? – через силу оживился Яресько. – А про Большую Оленью что расскажешь? Что на ней живут чукчи, Герои Со-

[2] Мошенники, подставляющие свои машины под столкновение для последующего вымогательства.

ветского Союза?

– Нет, на ней живут самые настоящие олени, – ответил таксист.

Яресько на какое-то мгновение стушевался. Разве тот не знает, что Яресько не в гости едет, а домой?

– Между прочим, я живу на Большой Оленьей, – предупредил, ожидая смущения, администратор.

– Я знаю, – ничуть не тушуясь в ответ, сказал водитель, и Яресько встревожился, – что ты живешь в пятом доме на Большой Оленьей.

На Павла Марковича нахлынули воспоминания о Занкиеве, о последних событиях, о своей слабохарактерности в кабинете следователя, и захотелось тут же выйти. Но сделать это было невозможно. Водитель так втиснул машину между стоящими рядом, что в образовавшуюся щель невозможно было бы даже просунуть руку.

– Только олень, выйдя из ИВС, направится во двор восьмого дома Стремянного переулка, чтобы раскроить себе голову, а после обвинять в этом правоохранительные органы. Но делать это глупо изначально, потому что в СМЭ работают не лохи, и они обязательно зафиксируют время более позднее, чем час освобождения Яресько из изолятора.

Машина проехала после светофора метров семьдесят и прижалась к обочине. Водитель заглушил двигатель и развернулся к администратору:

– Голову тебе разобьют обязательно. Но не правоохрани-

тельные органы. Ты сам знаешь, кто. А потому я покажу тебе сейчас Москву, историю которой изучал не в таксопарке, а на истфаке МГУ. В тридцати метрах от нас приармянился белый «Фольксваген», который пасет тебя уже целый час, и нам следует от него оторваться. После мы доедем до аэропорта, и я усажу тебя на первый же рейс, убывающий в Питер. У тебя, неподалеку от Аничкова дворца, живет баба, о которой не знает никто, кроме нас и твоей жены. Полгода тобой даже пахнуть не должно в столице. Если хочешь жить, конечно. Вот телефон. Звонить каждый день в девятнадцать часов. Все понял?

Ошеломленный Яресько вертел в руке визитку и не знал, что ответить.

– А… жена…

– Жена не знает, где ты будешь и у кого. Ее сейчас в Москве вообще нет. Она с детьми решила пройтись на кораблике по Средиземному морю. Если хочешь попасть в программу по охране свидетелей, делай все в точности по инструкции. Все понял?

Яресько сглотнул сухой комок и кивнул.

– Молодец, Павел Маркович. Ты не олень. А сейчас советую пристегнуться.

Заключения экспертизы легли на стол старшего следователя Генпрокуратуры Кряжина не в шесть часов, как обещал судебный медик Столяров, а в начале восьмого. Понять та-

кую задержку и простить Ивана Матвеевича было несложно. Выводы тот, как и обещал, сделал в шесть. А документально оформил и подписал спустя полтора часа. За эту неторопливость следователь, работавший с ним часто, Столярова всегда прощал, потому что знал точно – за ней кроются педантизм и безошибочность. И те шаблонные фразы, которые подмахивают некоторые медики, не особенно вдумываясь в смысл написанного ими же самими, были ему не свойственны. Он работал за совесть и на зарплату, а не просто за зарплату.

Первый документ свидетельствовал о том, что никаких телесных повреждений на теле Резуна, за исключением перерезанного горла, не обнаружено. Смерть причинена предметом, имеющим неровную режущую кромку, одним движением. Засомневавшись в том, что информация воспринята им адекватно, Кряжин поспешил снять с телефона трубку и набрать номер Столярова.

– Иван Матвеевич? Рад, что застал. Объясни мне, пожалуйста, что такое «оружие с неровной режущей кромкой». А то прямо-таки фантазии не хватает. Пилой, что ли?

С советником юстиции судебный медик был в хороших давних отношениях, поэтому там, где в любом другом случае выдавил бы иронию, в разговоре с Кряжиным всегда оставался ровен.

– Как тебе объяснить, Иван… Представление, что нож тем лучше, чем ровнее его лезвие и чем оно острее, неверно. Че-

ловеческое тело имеет такую структуру, что лучше всего оно приходит в негодность от воздействия не ровных и острых предметов – хотя и от этого тоже, – а от фигурных. Скажем, мечи самурайские на боковой стороне лезвия имеют волнообразные срезы. Поэтому, когда рубят с оттягом по ногам, рукам и головам, они отваливаются, а не надрубаются. Отвалить вражескую голову можно и казачьей шашкой, но на это уйдет в два раза больше сил, что в бою, как ты понимаешь, невыгодно. Воин устает в два раза быстрее. Еще пример – нынешние ножи для рукопашного боя. Они сплошь зазубрены. Ножи в ближнем бою уже немодно втыкать в плоть. Чиркнул по запястью противника вполсилы – и тому уже не до героизма. Слабое движение рассекает и вены, и сухожилия, и даже повреждает кость. Я полагаю, что преступник резко провел специально предназначенным для диверсионных целей ножом по горлу Резуна слева направо, чем причинил ему смерть. Возможно, это банальный десантный прием.

Кряжин на мгновение оторвался от трубки, прислонил голову к стене и провел по своему горлу ладонью.

– То есть убийца был правша?

– А на себе показывать, Ваня, нельзя! – правильно понял молчание следователя Столяров. – Хотя прикинул ты правильно. Голова губернатора находилась у самой стены, проход справа. Можно предположить, что преступник оперся на грудь Резуна левой рукой, а правой резко и сильно провел лезвием по горлу. Но, Ваня, если он оперся свободной рукой

не на грудь, а на лоб Резуна, тогда резал он рукой левой.

И вдруг медик огорошил Кряжина. Неугомонный Столяров, которому перерезанного горла показалось мало, произвел повторную экспертизу, результаты которой готовился представить следователю завтра к обеду. Оказывается, в желудке губернатора была такая доза клофелина, что…

– Словом, много, Иван, очень много. Даже не знаю – огорчил тебя или обрадовал.

Кряжин поблагодарил и положил трубку.

Вот оно, значит, как… Клофелин! Сейчас советник точно знает, кто новому заключению Столярова рад не будет. Убийца, имей сейчас возможность прочитать его, вырвал бы из своей головы все волосы.

Вчитался в старый текст, пожевал губами. Видимо, действительно, преступник провел ножом сильно: из заключения следовало, что почти наполовину рассечен диск между вторым и третьим позвонками. Еще чуть-чуть, диск был бы рассечен совсем, и отвалилась бы голова губернатора.

Впечатляла и длина лезвия. Столяров настаивал, что она не менее двадцати трех – двадцати пяти сантиметров. Что ж, ему, эксперту, виднее.

Ответ на второй вопрос, поставленный перед медиком, был ясен, а потому разговора о нем и не заходило. Смерть потерпевшего наступила в период между 23.30 и 00.30. Что тут уточнять? Столяров своих цифр обратно все равно не заберет. То же время он указывал и в первичном осмотре

трупа.

Второе заключение экспертизы, которую проводил сам Николай Молибога – самый рассеянный и самый грамотный из прокуроров-криминалистов на Большой Дмитровке, было еще более загадочным. Не потому, что Кряжин не понимал смысла напечатанного, а потому, что он, советник, находясь при ясном уме и трезвой памяти, никак не мог догадаться, как в желудке убитого Резуна могли быть обнаружены вареные креветки, которые он запивал пивом «портер» *непосредственно* перед смертью. Непосредственно… Очень хочется уточнить у Молибоги, что он имел в виду, когда в документе под названием «Заключение криминалистической экспертизы» употреблял термин «непосредственно».

Звонить ему сейчас в служебный кабинет – это мука бесплодная. Застегнутый на все пуговицы Молибога ежедневно спускается с крыльца Генеральной прокуратуры в тот момент, когда часы на его рабочем столе показывают семнадцать часов пятьдесят девять минут. Бывают, конечно, исключения, предусмотренные графиком дежурств, утвержденным Генеральным, но сегодня был не тот день.

– Коля, добрый вечер.

– Кряжин? – огорченно удивился криминалист. – Только не говори, что Васякин внезапно заболел и его нужно так же внезапно подменить!!

– Спокойно, Молибога, – попросил советник. – Я обратный кроссворд разгадываю. Есть слово, а к нему нужно по-

добрать определение из имеющихся.

– Ну, если тебе нечем больше заняться, да и жена моя к соседке ушла… А что за слово?

– «Непосредственно».

– О, ну, ты даешь, Иван Дмитриевич, – удивился Молибога. – Тут много определений может быть. Скажем… – Молибога долго молчал, потом стал бормотать что-то насчет того, что слово идиотское, вставить его в кроссворд мог только маньяк-сексопат, и вообще, смотря перед чем это «непосредственно». А в конце, попав в тупик, он просто разозлился. – Выбрось ты этот кроссворд к чертовой матери! Что там из вариантов ответа есть?!

– Тут много, – хищно улыбнулся советник. – Двухмесячная подготовка космонавтов непосредственно перед полетом на околоземную орбиту. Ходатайство адвоката непосредственно перед судебным заседанием. Надевание презерватива непосредственно перед актом. Ну и наконец: пиво «портер», креветки, перерезанное горло.

– Ваня, жена пришла… Там, это, понимаешь… Судя по креветкам, они еще не успели разложиться под желудочным соком. Жидкость в желудке крепость не утратила, значит, выпита перед смертью. Я имел в виду, что он ел и пил в номере. Все, давай, до завтра…

Кряжин положил трубку и засмеялся. Так бы и писал! А то – «непосредственно»… Резун пил пиво под креветки, скорее всего, не один, потому что в одиночку мужик будет пить

пиво не с деликатесами, а с воблой. Даже губернатор. Креветки – это демонстрация возможностей, и распушать перед самим собой хвост губернатор вряд ли стал бы. Значит, был гость, а поскольку на кухне «Потсдама» уверяют, что ничего, кроме сока, кофе и тостов, Резун в номер не заказывал, угощение принес с собой гость. Вот он-то, скорее всего, Резуна и обидел.

И сразу после появления на свет этого вывода резонно встал вопрос: а почему Резун ел креветки и запивал их «портером» в чем мать родила? Гостем была женщина, и поздний ужин принесла она, дабы попотчевать его, как говорит Молибога, «непосредственно» перед этим? Или после этого?

Столяров утверждает, что этого не было вовсе. Поели, и Резун умер? Вполне возможно. Однако характер повреждения свидетельствует о том, что резал мужик. На этом настаивает все тот же Столяров. Однако у Майи, например, ножки и ручки, нужно заметить, развитые… В конкурсах красоты рахиты не участвуют.

Кряжин, чувствуя, что количество версий увеличивается, бросил заключение на стол и полез за сигаретами.

В конце концов, могла быть в гостях женщина. Пришла, принесла, поели, попили, сказала: «Я на минутку, милый» и ушла в ванную. Резун не стал тратить время на лишние хлопоты, принялся раздеваться, и в тот момент, когда стаскивал правый носок, в комнату вошел мужик. «Привет, милый», – поприветствовал, перерезал губернатору горло и накрыл с

головой одеялом, чтобы не забрызгаться кровью. Прижал к кровати и держал до тех пор, пока Резун не умер. Потом вместе с женщиной убрали принесенное угощение, затерли все следы и ушли.

Вот и вся история, если подходить к ней просто. Как делал бы сам. Кряжин, попадая впросак, часто начинал думать: «Будь мне это нужно, что делал бы я, дабы выглядеть тем человеком, который исполняет заранее обдуманный план, но совершает ошибки в силу различных объективных причин?»

Был в практике Кряжина такой случай. Подозреваемый признался в совершении убийства и даже показал место на берегу Волги близ Дубны, где он со товарищи сбросил с лодки владельца сети казино в Твери Уколова. При этом убийца утверждал, что ноги Уколова стояли в тазике, который до краев был заполнен засохшим бетоном. Все бы ничего, Уколова действительно спустя пять дней подняли. Но не близ Дубны, а близ Мышкина, у самого Рыбинского водохранилища. Мало того, что в четырехстах пятидесяти километрах от указанного подозреваемым места, но еще и без каких-либо признаков тазика на конечностях.

А сие есть самое настоящее опровержение предложенной версии, иначе говоря – человек, перекрестившись, взял на душу чужой грех. Хоть выпускай до суда под подписку о невыезде. Да и «сознанщик» после этого, с позволения сказать, недоразумения стал каким-то странным. Заговорил о самооговоре, кознях «прокурорских», давлении, оказывае-

мом на него на Большой Дмитровке. Сначала тихо заговорил, потом громче, а потом стал орать так, что едва не подвиг все адвокатское сообщество Москвы подняться на защиту его поруганных прав. И вообще, тех троих, перед игровым магнатом, тоже не он убивал. Мол, какая грубая фальсификация!

Кряжин чуть не свихнул себе мозги. Все сходилось: место, погружение, тазик. А труп – под Рыбинским водохранилищем. Мистика. Оказалось, никакой. Один из подельников задержанного проболтался, где брали цемент для производства ванн конечностей жертвы. Проверили марку цемента, Кряжин вздохнул с облегчением. Производство потом закрыли, адвокатское сообщество, расшумевшееся после диких криков подозреваемого из камеры «Красной Пресни», успокоилось.

Цемент фирмы-спонсора, любезно предоставленный коллективу отморозков, оказался состоящим не совсем из тех компонентов, из которых должен состоять. Производство работало на выход продукции для отправки в Чечню, а там, как известно, неважно, из чего состоит цемент. Все равно все постройки разбомбят раньше, чем их размоет вода.

И эта продукция через несколько часов после погружения бизнесмена под воду растворилась, как сахар, освободив ноги жертвы. И тело успешно сплавилось по Волге.

Так куда могли деться остатки креветочного ужина из номера убиенного Резуна?

– Дмитрич, машину!

Дмитрич – это самый старый водитель Генеральной прокуратуры. Его коллега-одногодок, решивший в прошлом году уволиться на пенсию, возил Гдляна. Дмитрич возил Иванова. А потом Гдляна и Иванова – обоих стал возить другой водитель, и все больше по южным окраинам страны. Многое с тех пор изменилось, но Дмитрич остался неизменным. Чем ближе пенсия, тем чаще тянет на работу. Генеральный сказал, что в следующем году Дмитрич уже точно уйдет на пенсию, а пока тот возил Кряжина. В этой причинно-следственной связи он и уезжал домой лишь после того, как дом на Большой Дмитровке покидал советник. Когда Кряжин хотел, старик вез его домой, на Факельный. Когда не хотел, старик отправлялся домой сам. И он был один из немногих, кому разрешалось ставить «Волгу» со страшными номерами в личный гараж.

«Цепь, – думал советник, разглядывая начавшие проявляться на темных улицах еще бледные неоновые огни. – Столяров был прав, цепь неординарная. Разовая работа, исполненная из червонного золота. Девятьсот девяносто девятую пробу носят сейчас, наверное, только цыгане. Продажа наркотиков – дело опасное, деньги нужно постоянно укладывать стопкой, но так много не накопишь. Придет Комитет Госнаркоконтроля и все выметет. В земле деньги не сохранишь, да и смысла закапывать нет. Пока выкопаешь, их или деноминируют, или другие нарисуют. С банком цыгану связаться

это все равно как если в уголовный розыск пойти работать. А последний из цыганских ментов – из «Неуловимых».

Золото. Вот то, что не портится в земле, не занимает много места и при необходимости легко превращается в наличные. Но проба должна быть непременно девятьсот девяносто девятая. Так оно стоит еще дороже и занимает еще меньше места. И вот у нас появился вовсе не цыганский барон, а губернатор Резун, на шее которого золотая цепь из червонного золота, весом в двести восемьдесят три целых семьдесят три сотых, если верить Молибоге, грамма.

А жена Константина Игоревича, на всякий случай, этой цепи на шее мужа при отъезде его в Москву не помнит. Она ее на шее мужа вообще не помнит. Справедливости ради нужно заметить, что вопрос тот в мертвецкой состоялся сразу после опознания. «Что это за цепь?..»

– Приехали, Дмитрич.

Если Кряжин именовал своего водителя «по батюшке» из искреннего уважения к возрасту, то водитель советника таким же образом обращался к нему исключительно из уважения к таланту следователя. Как бы то ни было, Кряжин постоянно «отмазывал» старика перед начальством, а тот всегда выскакивал из машины с монтировкой, если, по его мнению, следователь нуждался в помощи.

Фойе. Это лицо каждой гостиницы. В этом уголке, достигающем порой величины половины футбольного поля – раз-

меры зависят от количества звездочек, – размещены ключевые узлы жизнеспособности заведения. В годы развитого социализма достаточно было стеклянной перегородки с бумажкой на ней: «Мест нет», перед которой стояли очереди. Сейчас фойе отражает мрамором и зеркалами миллионы огней, и сообщение о том, что нет мест, здесь воспринимается как неуважение к гостю. Здесь всегда есть места. Об этом вам скажет и дежурный администратор, и любой из портье, шныряющих у входа и коршунами налетающих на ваши чемоданы, и даже милиционер, расположившийся неподалеку от администратора.

Кряжин остановился у зеркальной перегородки.

– Вам место? – тут же поинтересовался дежурный администратор – сильно напомаженная и переборщившая с тенями женщина лет тридцати пяти по паспорту и сорока с небольшим на вид.

Советник сверкнул удостоверением и справился о помещении для горничных. Его тут же провели, и в глазах портье, назначенного проводником, следователь увидел вопрос о том, нужно ли брать у него, следователя, папку. Решил, что такой багаж мужик в силах донести сам, и повел советника по закоулкам коридоров. Первый этаж, административная часть «Потсдама», скрывался от людского взгляда за мощной дубовой дверью. Комнаты для персонала женского пола, мужского, портье, горничные, уборщики, технички, слесари, повара…

Горничные встретили Кряжина равнодушно. Безошибочно определили статус, финансовое положение и мотивацию поведения. Догадавшись об этом, Кряжин отпустил несколько незатертых шуток, во время которых выискивал нужный объект для беседы, выбрал и, сообщив напоследок, что не видел женщин милее, чем здесь, пригласил будущую собеседницу с собой.

По представлению советника, это была самая опытная, старослужащая горничная. Во время выбора он колебался: молодая и разговорчивая или взрослая и умеющая держать рот на замке. Он сделал свой выбор, помня о словах Колмацкого – «долго здесь не живут». В переводе Фили это означало несколько иное, нежели прямое толкование: ошибок в «Потсдаме» не прощают. Так вот, женщина, судя по всему, работала в гостинице долго, и это давало основание полагать, что держать на замке рот и быть послушной руководству она умеет. А это предполагало определенные проблемы при общении. Но зато у нее было главное качество, которое перевешивало все остальные. Она знала в этой гостинице все.

Не успел Кряжин распахнуть дверь, как от нее отскочил портье…

Знакомая сценка.

Они вышли, поднялись на третий этаж, причем во время пути Кряжин толковал о чем угодно, только не о деле. И лишь когда дверь триста семнадцатого номера распахнулась, Кряжин вынул из кармана непочатую пачку «Лаки страйк»,

сдернул с нее целлофан и бросил в урну. И тут же в смущении остановился.

– Что ж я так… Кто-то только что убрал, а я… – и сделал попытку наклониться.

– Ничего страшного, – заметила не имеющая опыта общения с такими монстрами, как Кряжин, горничная. – В девять придет девочка и уберет.

– Разве не утром? – удивился советник.

– Девочка приходит и утром, и вечером, – улыбнулась она, приятно удивленная порядочностью следователя. – И оба раза в девять.

– И с девяти вечера до девяти утра у вас в гостинице лежит мусор, озонирует здание? – он рассмеялся. – До отеля «Виктория» в Лондоне все-таки нам далеко. Не успеваем за прогрессом.

Она просто обязана была стать на защиту гостиницы, в которой проработала пять лет. И стала.

– Муниципалитет, – делая ударение на каждом слоге, что должно было внушить Кряжину уверение в том, что «Виктория» по сравнению с «Потсдамом» – забегаловка, – вывозит мусор из нашей гостиницы ровно в половине одиннадцатого вечера ежедневно. Так что ничего в здании не озонирует.

Да, он был прав в своем выборе. Так подробно объяснять дураку-следователю могла только опытная горничная.

Шагнув в прихожую, Кряжин резко распахнул дверь и выбросил в коридор руку. Втаскивать удерживаемого за ухо,

насмерть перепуганного такой атакой портье он не стал и вышел сам.

– Подслушиваем у косяков? Подсматриваем в щели? Принюхиваемся к запахам в женских номерах?

– Я хотел… – морщась от ужаса, пролепетал портье.

– Еще раз увижу – оторву пипетку, – пообещал Кряжин. – Где у тебя пипетка?

– Вот здесь…

– Я имел в виду нос. Но раз так, то оторву обе пипетки, – оглянувшись и не увидев никого, кто мог бы пересказать эту сцену на Большой Дмитровке, Кряжин сделал шаг назад и врезал ногой по тощему заду портье.

Когда советник вошел, горничная никак не могла совместить милую улыбку на его лице со звуком, перепутать который с чем-то другим никак невозможно.

– Кто убирал этот номер и в котором часу? – и он подошел к ней вплотную, словно собирался поцеловать.

Женщина испугалась, в ее глазах проскользнул и был замечен советником страх за то, что она сболтнула лишнее.

– Что вы застыли? Я спросил имя горничной, наводившей порядок в этом помещении.

– Таня, – сказала она. – Полчаса назад, – добавила, вспомнив, что вопрос состоял из двух частей.

– Таню, – провозгласил Кряжин. – Сейчас, – добавил он.

Они спустились по лестнице. Но Тани внизу не было.

Поднялись на второй этаж. Там Таня в коротеньком бело-

снежном передничке протирала в номере «люкс» пыль с телевизора.

Кряжин оказался настоящим грубияном. Он взял девушку за руку, вытащил из ее второй руки метелку и бросил на диван. Провел в коридор и завис над ней, как фонарь, зная на предыдущем примере, что на горничных это действует убедительнее всего.

– Тридцать минут назад вы убирали триста семнадцатый номер. Куда вы его снесли? Мусор, я имею в виду, конечно.

Она повела его по катакомбам коридоров в подвал. Подвальное помещение было разделено на две части. Подземная автостоянка и мусорный отсек. В отсек вела дверь, к замку ее подходил любой ключ, который был длиной не менее десяти сантиметров. У советника такой нашелся на связке, им он отпирал нижний отдел засыпного сейфа.

Отправив девушку восвояси, он вошел внутрь и тут же пожалел, что не оставил папку в машине. Мусоросборник напоминал дно большой лифтовой шахты, куда сваливался мусор со всех этажей. Он, зажав папку под мышкой, занялся раскопками. В конце концов, не так уж много в гостинице людей, балующихся креветками. Разыскав среди груды отходов выдернутую из горшка и выброшенную вместе с засохшим фикусом деревянную рейку, которая, по-видимому, этот фикус и поддерживала до самой его смерти, он посмотрел на часы. В его распоряжении был один час и пятьдесят три минуты. Если, конечно, «муниципалитет» пунктуален и

приезжает минута в минуту.

Очень быстро он стал классифицировать мусор. Гора отходов с человеческий рост, лежащая перед ним, состояла из разных категорий. Вот этот хлам, с опилками и стружкой, – из столярной, табличку на которой советник успел разглядеть, поспевая по коридору за портье. Сотни черных, свернутых в шар полиэтиленовых пакетов – из номеров, дело рук горничных. Разворачивать придется каждый, и Кряжин, разрывая тугие мешки одним движением, ронял на свои рукава чужие окурки, фантики, пустые пачки сигарет, использованные презервативы и даже белокурый женский парик.

Гостиница живет своей жизнью, немного отличающейся от нормальной. Здесь все проще. И если рядом с презервативами обнаруживается парик, значит, ночь была чертовски хороша и так же необузданна…

Это штык в бок молодым выпускникам юридических факультетов, видящим в работе следователя одну романтику. Борьба со злом предусматривает и такое начало, как розыск золотого зерна в жидком коровьем стуле. Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации, стоящий по колено в отходах человеческой жизнедеятельности, ковыряющийся в чужом дерьме, – вот пример добросовестного отношения к делу. Настоящий романтизм, рожденный на желании оказаться умнее, найти и заставить сесть. Романтизм заканчивается в тот момент, когда нож с хрустом начинает скользить по горлу. Красо-

та работы настоящего следователя с золотыми погонами на плечах, в отутюженной форме и сопутствующий этому явлению романтизм присутствуют на совещаниях у Генерального прокурора. Все остальное – ковыряние в дерьме рейкой от старого фикуса.

Через час поисков, ненавидя запах, идущий от него, Крячжин кончиками пальцев выдернул из пачки сигарету и закурил. Отошел к стене и понял, что за остающиеся пятьдесят три минуты, если по дороге с водителем мусоровоза не случится сердечный приступ, он ничего не найдет. Нужен оригинальный ход. Или, на худой конец, просто разумный. Догадка. Наитие с небес, опустившееся в это зловонное, плохо вентилируемое помещение. Но музы сюда не забредают даже по ошибке, им тут нечего делать. Хотя музу можно провести и завлечь сюда обманом.

Креветки, портер… Он перелопатил уже полтонны мусора, шелестящего, чавкающего и сочащегося, но не обнаружил среди этих мешков ни одного, где присутствовала бы упаковка из-под креветок или бутылки из-под портера. С бутылками можно не надеяться. Они сюда не спускаются. Тормозятся наверху, чтобы реализовываться в пункты приема. То же самое – с алюминиевыми банками из-под напитков. Потому он и не нашел ничего, кроме трех фигурных бутылок водки, не пригодных под сдачу, да с десяток таких же емкостей из-под вина.

Один раз ему посчастливилось – он наткнулся на пакет,

принесенный из триста семнадцатого номера. Не найдя в нем ничего более примечательного, чем какая-то квитанция, он сунул ее в карман и продолжил раскопки.

Креветки, креветки… Или, как пишет Молибога, – «вареные креветки». Ну, понятно, что вареные. Сырые креветки, это то же самое что живой рак. Кряжин не видел ни одного, кто пил бы портер и закусывал сырыми раками.

Муза, прорвавшись сквозь наглухо запертые двери мусорной шахты, испачкала крылья, порвала подол платья и рухнула, тренькнув лирой, у ног советника.

Креветки… Они вареные! Никто не станет варить креветки в номере! Что он ищет?! Он ищет упаковку из-под креветок, маленьких красных морских тараканов, считающихся деликатесом, разрывая мешки с мусором из гостиничных номеров!

Советник, ты никогда еще не был так потрясающе туп! «Потсдам» – не студенческое общежитие, зайти в которое и не почувствовать запаха горохового супа из концентратов невозможно! В «Потсдаме», как и в других гостиницах, считающих себя пятизвездочными отелями, пища готовится исключительно на кухне!..

Когда он вернулся к горничным, число которых за последний час заметно поубавилось, оставшиеся сдержались изо всех сил, чтобы не наморщить носики. От следователя Генпрокуратуры несло так, словно он пил весь вечер, всю ночь, утром вылез из мусорного бака, похмелился и пришел.

– Где смена поваров, работавшая в эту ночь? – Можно было с этим вопросом зайти напрямую к дежурному администратору, но Кряжин был уверен в том, что сейчас поступает правильно. – Я задал вопрос из области теоретической физики?

Одна из обладательниц тонких длинных ног и коротенького фартучка показала на стену. В этом направлении находился выход из «Потсдама», Донское кладбище, Париж, Куба, Япония и Омск.

Оказалось, имелась в виду комната, расположенная через стену. Там переодевалась для отбытия домой раскрасневшаяся за сутки бригада поваров и поварят. Они должны были уйти через несколько минут, но как раз именно этого времени им и не хватило. Кряжин без стука вошел в комнату и обнаружил там троих людей в городском одеянии, которые стоя ожидали третьего, снимающего белые хлопчатобумажные брюки. Ждали они его, если соразмерять время с содержимым пивных бутылок в их руках, около десяти минут. Но губит людей не пиво, губит людей вода. Та, что вдруг прорвала кран на кухне, и один из отработавших смену кухонных работников остался, дабы перепоручить работу прибывшим слесарям.

– Здравствуйте, господа, – сказал, не скрывая удовольствия, Кряжин. – Вижу, торопитесь. Понимаю. А потому спрашиваю – лезть в карман за удостоверением или на слово поверите? У меня руки, видите ли… Грязные.

Один из четверых, присев на стул, вспомнил! Это он готовил креветки под чесночным соусом в половине одиннадцатого вечера. Пришла Майя и сказала: «Приготовь козлам из триста восьмого креветок». «Почему козлам?» – спросил он, догадываясь по лицу Майи, почему. «Доллар пожалели», – ответила Майя, и повар понял, что ошибся.

Он сварил креветки, выложил на блюдо, украсил зеленью, приготовил в горшочке соус и вызвал Майю. Но той почему-то не оказалось на месте («Номер «люкс», Колмацкий», – быстро вспомнил Кряжин), и заказ унесла Зина.

«Парад имен!» – взревел внутри советника рассерженный демон.

– Она говорила, в какой номер готовится заказ?

Не говорила.

– Кто-то еще этой ночью заказывал креветки? Я ко всем обращаюсь.

Все помотали головами – не слышали о таком.

Кряжин вернулся к горничным. Их стало еще в два раза меньше. Наступала смена, и советнику посчастливилось, что он вообще кого-то застал.

– Где Зина?

Мужиков из Генпрокуратуры не любят по ряду причин. Над самим определением «Генеральная прокуратура» витает какой-то дух всемогущества, вседозволенности и неприкасаемости, позволяющий носителю этого духа совершать серьезные поступки глобального масштаба от имени госу-

дарства, и в памяти хоть раз связавшихся с этими мужиками граждан не застряло ни одного примера, когда бы всенародно было признано, что поступки совершены ошибочно. Бытует мнение, что в Генеральной прокуратуре работают умные люди. Это тоже порождает сомнение в том, что с ними стоит связываться. Стоит умному мужику дать повод зацепиться в своем ответе хотя бы за одно слово, он вытащит из тебя все, что ты знаешь. Впрочем, для этого мужику необязательно и в прокуратуре работать.

Еще одна причина – это настойчивость. Умный мужик, да еще работающий в прокуратуре, которого невозможно отбрить одними лишь уверениями в том, что дело бесперспективно… То есть – бесполезно, мол, со мной разговаривать, потому что я ничего, мол, не знаю… Это наиболее опасные из умных мужиков, работающих в прокуратуре, для граждан. Так решила старшая горничная, ответив за всех: «Мы не знаем».

Когда в чистом поле с копьями наперевес сталкиваются старший следователь по особо важным делам и старшая горничная, это зрелище не может не вызвать интереса у окружающих. Когда-то бабы выходили меж враждующих сторон, бросали наземь белый платок, и кровопролитие прекращалось. Старшая горничная решила бросить платок не наземь, а в лицо «важняку». И теперь всем хотелось убедиться в том, что это тот поступок, который в последующем можно повторять и им гордиться.

– Хотите стать главными героинями сериала «Разочарованные»? – удивился советник. – Не вижу проблем. Рисую перспективы. Через три минуты после того, как я не получу ответа, ни одна из присутствующих дам хранить трудовую книжку в этой гостинице уже не будет. После этого попробуйте только сунуть нос на Тверскую – увезу за сто первый километр.

Кряжин очертил в воздухе круг, означающий МКАД, отмерил от края обеими руками аршин в сторону и показал, где будут находиться упрямые горничные. Если соразмерить масштаб, это было уже где-то под Самарой. Не «сто первый», разумеется, но Кряжин изо всех сил старался дать понять, что ради такого дела бензина он не пожалеет.

Сломав о панцирь советника копье, неугомонная старшая горничная спешилась, выдернула из ножен меч и уже открыла было рот, чтобы сказать знакомое уху следователя «все равно не знаем», как вдруг одна из молоденьких, по всей видимости, та, у которой был заложен нос, и следователь, только что оставивший в покое помойку, по-прежнему казался ей мужиком что надо, по-простецки призналась:

– Зина вместе с Колей пошли к нему домой.

«Я сегодня сойду с ума», – подумал Кряжин, но вслух терпеливо пробормотал:

– Кто такой Коля, где Коля живет, когда Зина ушла с Колей и куда?

На этот раз ему повезло. Не придется ни в мусоре ползать,

ни заманивать на свалку уже затаившую обиду музу. Горничная Зина, честно отработав смену, ушла с электриком Колей, имеющим в «Потсдаме» статус Тарзана, к нему домой на Шаболовку. Неподалеку от этого дома пишутся сценарии для «АБВГДейки». А что касается последнего вопроса следователя, Зина – девушка приятной наружности, двадцати двух лет, имеющая каштановые волосы, зеленые глаза и особую примету: ее Коля ужасно картавит и заикается.

– Картавый, заикающийся Тарзан? – переспросил Кряжин. – Ну-ну. Хотелось бы посмотреть, как он колотит себя в грудь и оглашает джунгли победным криком.

В коридоре, на выходе из хозблока в фойе, он вдруг столкнулся с Занкиевым. Не справившись с эмоциями, Сагидулла Салаевич дернул носом, но в основном выдержал неожиданность стойко.

– Почему вы меня не известили, что допрашиваете моих людей?

Кряжин хотел пройти, не заметив управляющего, но его вопрос заставил следователя сбросить обороты и остановиться.

– Вы не видели своего администратора?

– Если я не ошибаюсь, вы содержите его в СИЗО, – подумав мгновение, ответил Занкиев и машинально пригладил усы.

– А Саланцева? Это член моей следственно-оперативной группы.

На этот раз управляющий промолчал.

Кряжин шагнул к нему на неприлично близкое расстояние.

– А с братом своим когда в последний раз связывались?

– С братом? – тихо пробормотал Занкиев. И вдруг сделал несколько шагов назад, выдернул из кармана инкрустированный разноцветными камнями телефон и набрал на нем номер. От его приглушенных, но резких и гортанных чеченских фраз в фойе наступила тишина. Вряд ли кто из подчиненного персонала видел своего хозяина в таком беспомощном и взволнованном состоянии.

– Ты где, Али? – спрашивал младший Занкиев старшего. – Что с тобой? У тебя все в порядке?

– У меня все в порядке, брат, – отвечал старший младшему. – Но два часа назад со мной произошла странная история. На Тверской-Ямской мой «бээмвэ» остановила милиция и заставила выйти из машины. Меня поставили лицом к капоту и обыскали карманы в присутствии понятых. Брат, эти шакалы подкинули и нашли в моем правом кармане пакетик с белым порошком. Я клялся, что он не мой, доказывал, что меня подставили, потому что я с Кавказа, но меня увезли в дежурную часть какого-то отделения милиции Центрального округа, составили протокол и посадили в камеру. Через полчаса выпустили, извинились, сказали, что в пакетике был аспирин, и я должен был сразу сказать об этом милиционерам, а не морочить им голову. Меня вы-

пустили, и я не потратил на это ни единого доллара. Я ничего не понимаю, брат. Менты совсем сошли с ума, брат.

– Я хорошо понимаю, брат, – сказал Занкиев-управляющий. – Я очень хорошо все понимаю. Я перезвоню тебе, брат.

Он захлопнул телефон и спрятал его в карман.

– С ним все в порядке? – встревожился Кряжин. – У вас пропал с лица загар.

Ни слова не говоря, тот сделал презрительную мину и повернулся к следователю спиной.

– Идите ко мне, Занкиев, – громко, убивая и без того мертвую тишину фойе, приказал советник. – Я не закончил с вами. Или хотите сесть на заднее сиденье моей машины?

Он видел эту муку подчинения, отражавшуюся от лица управляющего, как от зеркала. Это было не просто неприятно. Занкиеву было невероятно стыдно подчиняться и подходить к следователю, словно он решившая вдруг повиноваться вышедшая из-под контроля собака. И Кряжин, чтобы это видели все, сократил расстояние между ними до критического.

– Вы, кажется, обладаете недюжинной фантазией? – Советник пожевал губами и, рассматривая в упор управляющего, стал крутить головой во все стороны. Ему, «важняку» со стажем, было очень хорошо известно, каким оскорблением является это среди южан. – В стране эльфов троллям чудить опасно. Запомните это, управляющий. И никогда более, вы слышите – никогда, – не начинайте разговор со мной с во-

проса. Только с приветствия. С улыбки. С радости на лице. С удовольствия на нем. На кафедре философии МГУ есть такой профессор – Лейников. Вы его, скорее всего, не знаете. Так вот он утверждает, что глупость – это дар божий, но злоупотреблять им не следует. Надеюсь, вы понимаете, о чем я.

На входе, перед зеркальной вертушкой, Кряжин повернулся и на этот раз громко сказал:

– Завтра в десять часов утра я жду вас в своем кабинете на Большой Дмитровке. Номер кабинета спросите у Залимхана Тадиева.

Он вышел, закурил, выпустил в воздух первую затяжку и вернулся в фойе. Картина, представшая его взору, советника позабавила, а Занкиева снова привела в бешенство: управляющий только что закончил нажимать на своем телефоне кнопки и снова собирался куда-то звонить.

– Я забыл, Занкиев, не суетитесь. С Тадиевым тоже все в порядке, просто он сейчас в Турции. Впрочем, если вам легче дозвониться до него, нежели поинтересоваться номером моего кабинета в прокуратуре, звоните.

И вышел. Нельзя старшего следователя по особо важным делам Генпрокуратуры ловить в коридоре гостиницы, как полового, и требовать отчета о его действиях. Нельзя.

Глава третья

Заколдованный круг имен, фамилий и адресов. Губернатор Мининской области, приехав на пару суток в Москву, окутал свое присутствие в столице тайной. Окружил себя лицами, не имеющими к его присутствию в столице никакого отношения. Удивляться было нечего, ибо чем выше статус объекта преступления, тем шире круг подозреваемых. Это бесспорная истина, открытая Кряжиным давно. С тех самых пор, когда он впервые ступил на крыльцо здания на Большой Дмитровке.

Еще задолго до убийства Резуна он знал, что губернаторов просто так не убивают. Всем известно, что руководители администраций субъектов Федерации по улицам, как в былые годы – царь-батюшка, не ходят, с простым людом разговаривают лишь для телевидения и через мощный кордон личной охраны. И если случилось так, что приехали в Москву инкогнито, то это не для того, чтобы поучаствовать в заседании Совета Федерации или выпросить в Минфине пару сотен тысяч для тренажерного зала в Мининске. Резуна привела в столицу причина, не имеющая к его служебной деятельности никакого отношения. Либо имеющая, но не имеющая ничего общего с его функциональными обязанностями главы администрации.

Губернатора невозможно ограбить. Например, его нельзя

избить в темном переулке, отобрав сотовый телефон и портфель с планом строительства дорог в области. Нельзя прирезать в пьяной бытовухе, потому что тот если и пьет, то, как правило, лишь в компании председателя областного суда, начальника ГУВД области да пары замминистров из той же Москвы. И предполагать, что это председатель Мининского областного суда, не выдержав пьяных оскорблений, чиркнул складным ножом по горлу губернатора, по меньшей мере несерьезно.

В «Потсдаме» (Кряжин проверил) на момент убийства, помимо Резуна, находились: президент сотовой компании «Энком» (гуляющий с бабами и сорящий деньгами, как фантиками), управляющий «Зеро-банком» (тоже без охраны и тоже с проститутками) и многие другие, у кого, по определению, наличных было больше, нежели у руководителя дотационного региона страны. Между тем бумажник Резуна, демонстративно брошенный посреди комнаты, был вывернут наизнанку, и все, что там к моменту прибытия Тоцкого оставалось, – это фотография жены и любимой собаки. Кейс, обнаруженный Колмацким, пуст.

Получается, следователь по особо важным делам Генпрокуратуры должен был увериться в том, что Резуна ограбили.

Но именно по этим установленным фактам советник догадался об обратном. Резуна не грабили, его просто убирали с дороги. Если в кейсе перевозилась взятка из Мининска на предстоящее заседание кабинета министров и убийцам это

было хорошо известно, тогда зачем выворачивать кошелек губернатора? Чтобы добавить мелочь к миллионам из портфеля и обогатиться еще тысяч на десять рублей? Да и цепь, позабытая на трупе, стоила гораздо больше той мелочи, что нашли в кошельке.

– Ты бы переоделся, Дмитрич, – робко подсказал водитель.

– Тебя тошнит?

– Да я-то, господи… – отмахнулся водитель. – Ко всему привык. Вот, помню, Тартакова возил. Тот тоже поковыряться любил…

– Я не люблю ковыряться в помойках, Сергей Дмитрич, – досадливо оправдался Кряжин. – Просто день сегодня такой с утра. Да и наплевать на то, что обо мне подумают там, куда я еду. Вон, видишь, дом? К третьему подъезду подай.

– Так бы и сказал сразу, что наплевать, – ухмыльнулся Дмитрич. – А то – «день сегодня», бури магнитные…

Серая пятиэтажка своим состоянием уже прямо свидетельствовала о том, что стоять ей здесь и позорить столицу осталось недолго. Кряжин поднялся на второй этаж и занес над дверью руку. Дернул автоматически в воздухе, как лицо, с детства пораженное ДЦП, и замер. Меж косяком и створкой, обделенной какими-либо излишествами, включая даже дерматин и второй замок, виднелась щель. Советник воткнул в дверь палец и слегка надавил. Створка открылась.

Они начали здесь, в коридоре. Это вне сомнений. Вот ле-

вый ботинок Тарзана, вот обе туфли Зины. И лежат они так, словно их сбрасывали с ног движениями, коими вратарь выносит мяч в поле. Защелкнуть замок времени уже не было. Кряжин пошел по следу, удивляясь этапам раздевания. Вот блузка Зины, рядом – трусы Тарзана. А чуть поодаль – брюки Тарзана. Нечего и удивляться тому, что дверь не заперта, коль скоро трусы он успел снять вперед брюк. Очень, очень хочется посмотреть на этого Гарри Гудини.

Торопились, ох, торопились… Не дай бог так оголодать.

Впрочем, вожделение – великий грех и великая сила. Люди, пораженные им, порою ломают руками спинки чугунных кроватей, а после без сварки не могут поставить их обратно.

Квартира двухкомнатная, родителей у Тарзана, как всем известно, нет, а потому события в маленькой комнатке развивались стремительно и мощно. «Укуси, укуси меня!..» Раздавался рык, вскрик, свидетельствующий о том, что просьба исполнена. И скрип ДСП, напоминающий стон дерева в разгар тайфуна, возобновлялся с новой силой. Российские изготовители спальных гарнитуров из ДСП, которыми брезгуют на Западе, уверяют, что те в состоянии прослужить десять лет. Разумеется, в расчет не берется ряд факторов, сокращающих этот срок в несколько раз. Например, не учитывается, что такой гарнитур может служить не больше полугода, если будут совпадать смены понравившихся друг другу слесаря гостиницы и горничной.

«Повег'нись!.. Повег'нись вот т-так!.. Нет, вот т-так!.. Нет,

не т-т-ак!.. Да, вот так, кг'ошка!..»

Кряжин вспомнил, что он не ел с самого утра. Тихо вернувшись в коридор, он так же тихо закрыл замок, прошел на кухню и переступил через лежащий на полу опрокинувшийся пакет с провизией. Он был принесен из гостиницы, и сомнений в этом не было никаких: упакованные в целлофан бутерброды, несколько бутылок вина (одну такую он видел в мусорной шахте), зелень и баночки с консервами. На какие шиши это закуплено, было неясно. Скорее не закуплено, а вынесено из кухни в тот момент, когда поваренок чинил прорвавшийся кран и уделять внимания чему-либо другому был не в состоянии.

Кряжин распечатал один из бутербродов. Был он с красной икрой, и хлеб под ней был хрустящ и вкусен. Проверил холодильник, принюхался к одной из бутылок, чтобы не оскоромиться спиртом вместо минералки, и с удовольствием перекусил.

В зале советник, под вопли из запертой спальни: «А теперь ты мне так!..», расположился на диване и подтянул к себе распахнутые и позабытые хозяином нарды. Расставил фишки и стал бросать кости не на доску, дабы не стучать, а на диван.

Кряжин был мужчиной. Появиться в дверях с папкой в руке в эти мгновения было ниже его убеждений. Он не столько понимал Тарзана, сколько саму суть происходящего. Даже если бы за дверями сейчас находился не слесарь «Потсда-

ма», а убийца, он, наверное, дал бы процессу закончиться в нормальном режиме. Есть принципы, переступать через которые некоторые мужики не могут, и Кряжин к этим мужикам относился. Он продолжал бросать кости даже после того, как вопли прекратились и по спальне стали расплываться глубокие стоны.

«Давай еще, но по-дг'угому»…

«Э, нет», – решил советник, встал и уже стоя выбросил кости. Выпало два и один. Не беда, все равно проиграл. Себе.

Теперь можно было в тактичность не играть, и он резко толкнул дверь. Она отлетела, взору его предстало то, что он увидеть ожидал, и Зина закричала дурным голосом. Так же, наверное, вопила Майя, когда ею, слушающей Селин Дион через наушники, пытался овладеть со спины Яресько.

– Спокойно, – предупредил Кряжин, не глядя на Зину, пытающуюся из бутылки ситро сделать дерево, за которым можно было спрятаться. Взгляд его был прикован к очумевшему от послесексового стресса слесарю. – Я – старший сле… Словом, пара ответов на мою пару вопросов, и я ушел. Не нужно спрашивать, кто я, иначе мне придется представиться. Считайте, что я – ваша скромность.

– Я сейчас тебя и пг'и… пг'и…

– Пристыжу, что ли? – попытался угадать Кряжин.

– Пг'ибью, – озверело пообещал Тарзан Коля и встал с кровати.

Вид его, лишенного одеяний, за исключением черных

носков, почти как у Резуна, был не впечатляющ. Кряжин мог бы и ему, как Занкиеву, объяснить, что не нужно подходить вот так к следователю, но вместо этого выбросил вперед ладонь, и царь джунглей, перелетев через низкую спинку кровати, рухнул на нее, и под ним что-то треснуло. Оставалось надеяться, что это все те же доски из ДСП.

– Я же попросил – спокойно, – напомнил Кряжин и поднял с пола кроватную накидку. – Зина, повар из кухни приготовил этой ночью креветки под чесночным соусом. Куда вы доставили блюдо?

– Креветок? – вращая дикими глазами, она куталась в накидку, словно ее пробирал холод. – Господи, дура я. Я не туда унесла? Простите, ради бога… Передайте Анатолию Сергеевичу, что больше этого не повторится.

«Анатолию Сергеевичу?.. Это Дутову, что ли?!»

– Зина, я не из службы безопасности вашей гостиницы. Я из Генеральной прокуратуры. – Увидев в глазах девушки настоящее отчаяние, советник подавил в себе досаду. – Да мне плевать на этих креветок! Я спрашиваю – куда вы их унесли?

– В триста восьмой номер… – с трепетом в голосе пролепетала горничная. Ее вера во всемогущество Дутова стала еще сильнее.

– Кто там находился, когда вы принесли блюдо?

Мысли девушки читались с ее лица, как с листа бумаги. Поверить в то, что перед нею следователь прокуратуры, она

не может. Сейчас она думает о том, что за ней следила СБ «Потсдама». Ей сделали заказ, она его исполнила, да не по тому адресу. Дутов за такие промахи карает жестоко, он чтит авторитет гостиницы. И сейчас он послал своего головореза, дабы окончательно разобраться с делами.

Это было все, что читалось на лице горничной, замотанной в кроватную накидку.

Быть может, она обязательно бы соврала. Перед прокуратурой за подобные мелочи отчитываться необязательно. Однако с Дутовым шутить не стоит, до сих пор никто так и не нашел Лизу, исчезнувшую из гостиницы сразу после того, как у одного банкира пропал из номера кейс с деловыми бумагами… И она заговорила.

В том номере, помимо одного славянина, находились еще двое кавказцев. Славянин молчал, молчал и один кавказец, а второй догнал ее в прихожей, положил руку чуть ниже талии и предложил сто долларов за ночь. Взгляд его был мутен, но алкоголем не пахло. Пахло потом, причем так сильно, словно он не мылся несколько недель.

«Приготовь козлам из триста восьмого креветок», – вспомнил Кряжин показания одного из поваров о Майе. Она назвала их козлами потому, что предложили ей то же, что и Зине, и пахло от них так же.

Зина, понятно, отказалась и быстро вышла из триста восьмого номера. Более она в этот номер не входила и вряд ли вошла бы, даже если бы ей предложили большие чаевые. Зи-

на очень не любит две вещи: кавказцев и скисший запах пота. А два в одном просто ненавидит.

– Тебе к-конец, – пообещал Тарзан. К тому моменту, когда Зина разговорилась, он окончательно пришел в себя. Теперь его вид был еще менее впечатляющ. Носки вяло свисали со ступней сорок второго размера.

– Как выглядели славянин и те кавказцы?

Светловолосый молчун одет был в тонкий кремовый свитер и светлые брюки цвета кофе с молоком. На ногах были туфли такого же цвета. Да, она чуть не забыла. У славянина, когда он зевнул, обернувшись на вход горничной, во рту блеснул металлический зуб желтого цвета. «Кажется, какой-то из коренных».

Больше она ничего рассмотреть не смогла, потому что дело горничных – убирать номера и исполнять заказы, а не запоминать черты клиентов для последующего рисования их словесных портретов.

– Сядьте на место, – попросил Кряжин Колю, который ходил по комнате в поисках одежды, но у советника появилось подозрение, что он ищет не ее, а тяжелый предмет.

Кавказцы были одеты как самые настоящие кавказцы: широкие брюки типа «слаксов», черные рубашки и черные кожаные куртки, которые они не снимали даже в номере. Аккуратно, как всегда, стриженные, юмор, как обычно, на уровне вагоновожатого, и руки, прилипающие обычно к известным частям тела горничных. Естественно, речь идет не обо всех

кавказцах, а лишь об отмороженных. Настоящие мужчины себе такого не позволяют. Особенно кавказцы.

– Зина, при попытке выяснить, кто из горничных работал на третьем этаже и должен был в тот день доставлять заказы, я услышал уже три имени: Таня, Зина, Майя. У вас что, сезонный переполох? Три горничных ночью на этаж – не много ли?

Зина замялась. Ей очень не хотелось говорить то, что потом вызовет к ней антипатию у коллектива.

– Видите ли… Вообще, работать должна была я. Я и работала. Когда же в гостинице бум и вероятен большой доход, некоторые горничные остаются, чтобы подзаработать. И в ночь остались Майя и Таня. Кажется, была еще одна, но я не помню точно, кто.

Оказывается, чем пьянее гости и чем их больше, тем выше заработок обслуги. За бурную ночь переполненного этажа можно заработать до нескольких тысяч.

– Значит, – насел Кряжин, – ни Майя, ни Таня никого не подменяли и работали по собственной инициативе?

Да, ответила она. Администрация это знает, но кто из руководителей будет противиться тому, что заказы исполняются точно в срок? У кого убыток – так это у горничной, дежурившей в эту ночь. Это, как правило, новенькая, которая не может воспротивиться давлению горничных-старожилок.

Окончательно убедившись, что Зина сказала все и теперь для большего правдоподобия и демонстрации готовности к

сотрудничеству она начинает рассказ по второму кругу, Кряжин поднял со стола папку и попрощался. Посоветовал Коле его не провожать и запереть дверь.

Дома на Большом Факельном его ждала прохлада, мусорное ведро, которое он самому себе пообещал вынести еще два дня назад, не вымытая со среды посуда и необходимость завтра рано вставать, чтобы ехать на Дмитровку. Там у Кряжина есть чай. Есть кофе. Чайник и легкий ужин в маленьком холодильнике. Есть маленький телевизор и сменная одежда.

Все маленькое, но, если сложить вместе, получится общая картина маленького благополучия и достатка в жизни. Там был и душ, и был он для одного следователя чудовищно велик. В нем работники с Большой Дмитровки омывают бренные тела после занятий спортом в тренажерном зале. Включив в одиночестве воду, можно слушать эхо бьющей в пол воды, думать и отсеивать догадки от истины.

– Опять на работу, начальник? – поинтересовался водитель. – Жениться бы тебе, Иван. Жалко смотреть…

– А кто тогда будет расследовать дела высокой сложности и особой важности? Словом, пока вы меня со Смагиным не женили, поеду ночевать в прокуратуру. Но сейчас – в «Потсдам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.